

НАДЕЖДА МАМАЕВА

БОВЕВАЯ
АКАДЕМИЯ:
КУРС-НА-ПАДЕНИЯ

Надежда Мамаева

Боевая академия: курс-на-падения

<https://litres.ru/74399492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите взять всё золото на турнире? Добавьте в команду кого-то из гильдии воров! И тогда вашими будут все награды, сколько в мешке сможете унести. Вместе со своими ногами.

Но меня интересует только кубок из королевской сокровищницы. Ибо вещица - не только награда победителю, но еще и древний артефакт. Ради этого на время и адепткой можно стать, и частью команды...

Но кто же знал, что мой напарник по турниру стремится проиграть? И на то у него есть свои причины. А еще — подозрения. Смогу ли я обмануть этого проникательного, холодного аристократа? А мы оба с ним — силу гравитации? Ведь соревнования-то по небесным прыжкам. Потому главный вопрос: как, выполняя и задание гильдии, и требования команды, мне от усердия в лепешку не расшибиться? Хуже этого может быть только одно — влюбиться...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	72
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Надежда Мамаева

Боевая академия: курс-на-падения

Глава 1

— Красиво бегут, ходко... — кивнув на улочку, которая стекала с горки к площади Трех Ослов, и прихлебнув из фляжки, заметила Матильда. Она была уже в той поре, когда в дом удовольствий если и берут, то только прачкой. Абсолютно белые волосы, морщинистое лицо, напоминавшее запеченное яблоко, митенки, скрывавшие старческие пятна на коже рук — такой эта карга, кажется, была всегда, сколько себя помню. К чашке чаю, которую эта седая пройдоха заказала в самом начале разговора, едва мы присели за столик на открытой террасе кафаны, она даже не притронулась. — Ставлю один золотой, что чернявого догонят и прирежут.

Я глянула в указанном направлении. Сюда и вправду бежали. Слаженно так. Лихо. Впереди — парень. Темные волосы, широкие плечи, бешеная скорость... Он буквально летел, точно спущенная с тетивы стрела. А за ним — пятеро.

— Так веришь в этих наемников? — хмыкнула я, приметив мчавших позади брюнета убийц.

Узнать их для той, кто выросла в гильдии воров, труда не составляло. Меня в свое время отдали мастерам отмычек в качестве платы. Видимо, звонкой монеты у родителей не водилось, а долг был. Так что я стала собственностью одноглазого Ио.

— Верю? Что за несуразное слово! — фыркнула меж тем карга. — Я их знаю! Ну так как, принимаешь ставку?

— Конечно нет, — отозвалась я, заметив, что устроивший гонку со смертью псих мчится прямо на нас через площадь, и не думая взять вбок.

Я лишь чуть откинулась на стуле назад, не забыв прихватить новостной листок, лежавший рядом с фарфоровым блюдцем. Карга отзеркалила мой жест и... тотчас над заварочным чайником и чашками просвистели мужские сапоги, а в следующую долю мига бегун приземлился уже с другой стороны нашего со старухой столика.

Я и карга тут же изобразили праведный гнев двух достойных горожанок, чей слепополуденный покой посмели побеспокоить. Старуха даже за сердце схватилась, весьма натурально.

А чернявый тем временем помчался дальше, ядовитым угрем ввинтившись в праздную, разморенную жарким южным весенним солнцем толпу.

Преследователи брюнета не рискнули повторить его трюк с прыжком и обогнули террасу, чтобы через пару мгновений скрыться за углом, из-за которого-то и прогремел взрыв.

Не сильный, но стекла у одной из витрин осыпались осколками. И тут же зазвенели в воздухе женские крики, повеяло паникой и суетой.

— Или не прирежут, а взорвут в тупике... — философски заключила Тиль, и, не иначе как перепутав, взялась за чашку, и отхлебнула остывший напиток. Впрочем, тут же поморщилась, дескать, что это за гадость такая, и оставила фарфор. — Ну что ж... ты все поняла по новому заказу?

— Яснее некуда, — ответила я, жалея, что от него нельзя так же просто отказаться, как от недавней ставки, и запихнула новостной листок в висевшую на спинке стула сумку.

— Ну тогда я пошла, — отозвалась карга и, поднявшись, нарочито грузно опираясь на клюку, отправилась прочь.

Хотя я-то знала, как ловко она может огреть своей палкой (со свинчаткой внутри, кстати) даже иного здоровяка... Но да все мы, жители квартала теней, были не теми, кем кажемся на первый взгляд.

Вот я сейчас, например, для остальных была обычной девушкой. Платье, которое могла бы себе позволить дочь купца или небогатого дворянина, волосы, собранные под сетку, никакого макияжа и... личин.

Для встречи со связной это было обязательным условием. Так что сейчас я была такая, какая есть: светловолосая тощая пигалица.

Вздохнув, тоже поднялась с места и задумчиво, с толикой зависти посмотрела вслед Тиль: столько лет в гильдии и до сих пор жива. А главное, в отличие от меня, свободна. Смогу ли я дотянуть до ее возраста, а главное, собрать на свой выкуп? С учетом того, сколько лет меня кормили, давали кров и обучали — сумма долга оказалась немалой. А были еще и те, кто мной рассчитался...

Впервые за долгое время я позволила себе непростительную роскошь — отвлечься. За что тут же поплатилась, ощутив, как в район поясницы уперлось что-то острое. А рядом

с ухом раздался незнакомый мужской голос:

— Не кричи, если хочешь жить. Поняла?

Я коротко кивнула, пытаюсь лихорадочно сообразить: где прокололась? Одна из бывших жертв? Но нигде следов не оставляла... Залетный вор, не из гильдии? Своих-то я всех знала. Тогда уже завтра наши его разделают под орех и расфасуют: скорлупу отдельно, ядра — отдельно по мешкам и скинут с моста в Лейру... Мысли о том, что это кто-то из законников, даже не возникло. У Гильдии со стражами был негласный договор. Мы же все-таки организованная, уважающая себя преступность, а не какое-то отребье без понятия о том, что такое план раскрываемости и число краж за месяц...

Так что либо чужак, либо мой косяк... В любом случае парализующий яд будет нелишним. К нему-то рука и потянулась сама собой в потайной карман юбки.

— Просто сделай вид, что мы пара, пройди со мной квартал, и я тебя отпущу... — меж тем произнес все тот же голос с хрипотцой.

Я снова кивнула. На этот раз озадаченно. Что? Грабить не будут? Тогда убивать, что ли? А может, насиловать в подворотне?.. Ну, по версии типа, который еще не знает, куда вляпался.

Послушно замерла истуканом, ожидая, когда меня грубо толкнут меж лопаток или попытаются вывернуть руку так, чтоб не дернулась. Но нет. Вместо этого я услышала корот-

кий щелчок, ощутила дуновение магии, а после меня взяли под локоток. Галантно так взяли и повели к площади, словно и вправду мы с любителем тыкать в девушек всякой напастью были одуревшей от весны вокруг парочкой.

Я скосила глаза на будущий труп: русые волосы, средний рост, щегольская бородка — хорошая личина, непримечательная. Да и выполнена отлично. Вот только ощущался гад, шедший рядом со мной, куда выше. Когда он стоял позади, его дыхание касалось моей макушки. А этот — был лишь на пару пальцев выше, и только. Значит, рост уменьшил...

Но не прошли мы и дюжины шагов, как позади раздался топот, а за ним — охи, ахи, вскрики, брань и шум. Да что там, даже нас с шантажистом толкнули, крепко пихнув гада, державшего меня под ручку, в бок.

Причем это сделал не абы кто, а один из пяти преследователей, которые совсем недавно доброй рысью мчали за брюнетом. Правда, в тот раз ребята из гильдии убийц не выглядели такими горячими и поджаристыми. Аж до хрустящей корочки обгоревших кафтанов. Так что меня терзали смутные догадки, что за гад рядом со мной.

А мастера кинжала меж тем, распахивая локтями толпу на площади, выхватывали и проверяли в ней одиночек — но тщетно. Впрочем, я знала, что эти прожженные (сейчас во всех смыслах) ребята умеют настаивать на своем так, что и перебродить могут. Все окрест. Но найдут-таки своего клиента. Достанут из-под земли, предъявят заказчику и снова в

нее же зароят. Потому даже когда эта пятерка в кафтанах с подпалинами скрылась с площади, я и не подумала расслабляться.

Мой провожатый (или с учетом ситуации — шантажист?) — тоже. Так что мы продолжили изображать влюбленных.

Тип под личиной держал меня под локоток и в напряжении. Я — руку в его кармане и паузу. Впрочем, молчать долго не смогла. Любопытство было превыше:

— Почему за тобой гнались наемники?

— Без понятия, — усмехнувшись, отозвался гад, шедший рядом.

— Да брось. Не бывает, что совсем без повода, — выдохнула я и облегчила жизнь шантажиста на один кошелек. Тот оказался, к слову, увесистым. Будет моя компенсация за испуг.

— Ну... поводов-то тьма. Я просто не понял, какой именно...

Беззаботно отозвался тип, а после оглянулся с видом простофили и повернул на одну из четырех улиц, которые сходились вниз, к площади.

Брусчатка под ногами чуть накренилась, забирая на холм, от которого рукой было подать до центрального храма. А выше него только королевский дворец.

Когда мы вышли на горбушку мостовой, город вдруг распахнулся перед нами во всей своей бесстыжей, полунагой,

весенней красе: изумрудная дымка еще только-только развернувшихся листьев не успела прикрыть до конца столицу.

Справа, в просветах между домами, открывался вид на Нижний город и Лейру, чьи темные воды хранили немало тайн и трупов. Солнце уже клонилось к закату и било прямо в окна. Казалось, что в стеклах домов на противоположном берегу полыхало зарево пожара.

Река внизу лениво перекатывала мутные волны, отсвечивая старой бронзой и позолотой — это рыбаки возвращались с уловом, и чешуя на их сетях горела в лучах заходящего светила, будто рассыпанные монеты.

Улица Резчиков, на которую мы свернули, свое название оправдывала сполна. Дома здесь были старые, с выступающими вторыми этажами. Над дверями мастерских нависали деревянные гаргульи с выпученными глазами, резные мадонны с печальными лицами, гербы разорившихся дворянских родов, что продали особняки и сгинули в неизвестности. Пахло сырым деревом, столярным клеем, лаком и смолой.

— Почему выбрал для прикрытия именно меня? — зада-
ла я новый вопрос, решив зайти с другого конца.

Может, хотя бы узнаю, на чем прокололась, выделившись из толпы.

— Ты не кричала. Не паниковала. Была одна.

— И это все? — вскинув бровь, уточнила я.

— Ну, ты еще была ничего так... Хотя и не в моем вкусе.

— У тебя его просто нет! — фыркнула я, изображая обычную горожанку и дорабатывая недочет по возмущениям, восхищениям, воплям и прочим истеричным настроениям.

— У меня много чего нет. Но есть привычка держать слово, — произнес тип и, отпустив мою руку, потянулся к карману, добавив: — Ты свободна. А за доставленные неудобства хотел бы заплатить тебе...

Так и подмывало перебить его фразой: «Не надо, я уже взяла без сдачи», но удержалась и вместо этого произнесла другое:

— У тебя борода потекла... — И, увидев замешательство на лице, с сердобольной интонацией посоветовала: — Ты в стекло сам посмотри...

И стоило только типу на миг отвернуться, как я, получив свободу, оной и воспользовалась, чтобы удрать.

Достаточно было скользнуть в тень между домами и активировать артефакт отвода глаз, как я исчезла, растворившись в полумраке, решив помиловать наглеца. Яд еще дождетсЯ своей жертвы. И с учетом моей работы — это случится скорее рано, чем поздно.

Тип же, поняв, что я исчезла, лишь оглянулся, коротко выругался, но даже и не подумал меня искать. А вместо этого припустил прочь, на ходу скинув личину. Я выглянула из-за угла, увидев широкую спину, внушительные плечи, обтянутые рубашкой и слегка подпаленным колетом, и темный

затылок, и подкинула на ладони умыкнутый кошель.

Ну что, бегун, мы в расчете. Теперь стоит подумать о том, как украсть кубок чемпиона с грядущего турнира магии, что проводится между академиями королевства каждый год.

Вспомнились инструкции Тиль касательно этого дельца, и невольно пришла мысль: а это верное решение — послать на состязание человека из гильдии воров. Он-то точно возьмет сразу все золото! Еще и серебро с бронзой прихватит, если в карманы влезет.

С такими мыслями я и пошла по улочке, в которую нырнула, растворившись в тенях. Она вывела меня к Лейре гораздо ниже по спуску, чем мне было нужно. Пришлось делать крюк через рыбные ряды — вонь там стояла знатная, но зато никакой нюхач след не возьмет. Все забьет дух тухлой чешуи и речной тины.

Привычку уходить вот так, замата следы даже тогда, когда за тобой никто не гонится, в меня вбили, как в иных аристократок — манеры.

Мост Горшечников встретил меня дребезжащими повозками и бранящимися торговками, не поделившими бойкое место. Перейдя по мощеной арке над рекой, я оказалась в Кружевном районе — из-за обилия кружев на занавесках окон и кружев интриг, что плелись за здешними стенами.

Домики здесь были не чета нашим норам в Квартале теней. Аккуратные, двухэтажные, с небольшими палисадниками. Знатные господа селили тут своих содержанок — южа-

нок, северянок, иногда местных. Чтобы страсти не мозолили глаза законным женам в центре, но и добираться до любовницы было недалеко.

Из распахнутого окна дома, мимо которого я проходила, тянуло дымком — сладким, яблочным, с примесью корицы. Кто-то играл на бузуки, неумело, но старательно, и женский голос выводил фривольную песенку о похождениях пастушки.

Кружевной район жил своей веселой, жаркой и яркой, лишь слегка припудренной добродетелью, жизнью, пока в особняках города на холме зажигали первые свечи.

Я свернула в переулок, брусчатка прогнулась ластившейся кошкой, отчего в низине собралась лужа, и остановилась у деревянной калитки. Домик за ней был скромным: этакое гнездышко для не слишком дорогой игрушки. Не содержанки даже, а так... поддержанки! Когда обеспечивать все дамские капризы — дорого, а вечерок провести, на жизнь и жену пожаловаться хочется. Зато и требования к такой страсти ниже: за собой господин чашку и сам мог помыть, а вот супницу — оставить. Да и к пыли на полках или отсутствию макияжа не придирался. В общем, не обеспечивал целиком, а финансово поддерживал. Это было дешевле, чем каждый раз наведываться в публичный дом, где тебе вместе с удовольствием могут подарить и букетик. Пышный такой, раскидистый. Половых недуг.

Так что оплачивать своей подруге домик и наведываться

в него — это не только любовный прагматизм, но и вклад в семейное здоровье!

Прежняя жиличка, говорят, была любовницей какого-то купца второй гильдии, пока тот не разорился и не сбежал за море. Теперь домик сдавали через управляющего, который понятия не имел, кто тут обитает.

Зато у соседей вопросов не возникало: отчего молодая девушка — и живет одна, почему она то в наряде госпожи, то простой служанки. Здесь все знали: о вкусах не спорят, о вкусах молчат. Особенно если те — покровителей.

С такими мыслями я и поднялась на крыльцо, украдкой огляделась и, всунув в скважину замка ключ, провернула тот. Едва слышный щелчок — и я толкнула створку, входя в холл.

Внутри пахло затхлостью: я не открывала окна с утра, и духота накопилась, как под вымытой и перевернутой кринкой, которую поставили сушиться на солнце. Чиркнула кресалом, зажгла масляную лампу и первым делом вытряхнула на стол добычу.

Кошель типа оказался увесистым. Развязала тесемки и выдохнула: золото. Девять монет. Чеканка старая, еще с изображением прежнего короля — такие подороже идут. А еще дюжины две серебрушек и медьки. Это полугодовое жалованье столоначальника средней руки. Положу-ка я, пожалуй, пятак злотых в шкатулку, где копились деньги на мою свободу от гильдии...

Сглотнула, вспоминая годы ученичества в здании гильдии. Оно находилось в заброшенном здании мытни. Когда-то здесь работали пошлинники, собиравшие налоги и... с тех пор мало что изменилось. Гильдии воров тоже платили торговцы, держащие лавки, чтобы заиметь над входом медный жетон, сообщавший всем мастерам отмычек: эту дверь стоит обходить стороной. И окна тоже. И в печную трубу не сметь лезть! Здесь кражи уже все оплачены!

Впрочем, этих, да и других правил в гильдии было много. И свой кодекс имелся. Да даже больничные выплачивались. Правда, вернуть надлежало с процентами. Не удивлюсь, что скоро еще и пенсии введут тем, кто дожить до седин сумеет. Главное, чтоб не униформу!

Одноглазый Сэм — подручный Йо, учил меня ремеслу, как и другую ребятню: срезать кошельки, взламывать замки, грабить, разбираться в камнях и с ходу определять подделки. Из языков в школе воров преподавали два: просторечный южных земель и жаргонно-матерный родного королевства. Оба я знала отлично. А еще немного — северное наречье от госпожи Ульги, которая следила за порядком в школе. Ее боялась и ребятня, и воры постарше, и даже законники. Правда, последние носы в квартал Теней без крайней нужды не совали. Таков был уговор меж хозяином ночных улиц и главой городской стражи. Хотя они в свое время условились не только об этом, а много о чем...

Так что служивых в узких проходах между домами, где

солнце бывает только в полдень, да и то мельком, не водилось, как класса. А вот кого было в достатке в родном квартале — это клопов.

Кажется, когда я жила при воровской школе, в моем тюфяке этих паразитов было больше, чем соломы. А еще с детства запомнился жуткий холод зимой. Хоть снег и был в столице не частым гостем, но сырость и промозглость проникали, кажется, прямо под кожу. И от этой напасти спасало только одно — еда.

К слову, кормили нас сносно. Ульги часто варила каурму — этакое месиво из лука и перца — пальчики оближешь. Особенно если туда добавляли бараньи ребра по праздникам. Хлеб приносили с пекарни, черствый, но если макнуть в подливу — ум отъесть можно.

Так я и росла: щипала кошельки, лазила в форточки и оставляла после себя идеальный (согласно правилам гильдии) порядок. А в двенадцать на одной из краж, где меня едва не прирезали, в груди что-то словно взорвалось, и яшибанула типа, наставившего на меня нож, волной сырой силы.

Оказалось, это пробудился дар. После этого к обычным урокам добавились еще и основы чар. И через год меня взяли на первое серьезное дело. За ним еще одно. И еще... В пятнадцать мне поручили сыграть роль дочки барона — нужно было выкрасть кулон на приеме. Тогда-то Ио, глянув на меня, сказал:

— Платье для нее найти не проблема. Отсыпьте к нему

девчонке еще и манер...

После этого в моей жизни и появилась Тильда. Старуха хоть светской дамой и не была, но многого нахвататься успела. И выучила меня ровно тому, чтобы я сошла за свою не только в трущобах.

Из них мне, к слову, удалось уйти в семнадцать. Сбежала не потому, что меня обижали. Обижали всех. Я сбежала, потому что поняла: пока я там, я никогда не скоплю на выкуп. Ио забирал бы каждый заработанный медяк на «погашение долга» по своему бездонному счету, который, сколько в него монет ни добавляй, все бы не уменьшался. Потому как полезной быть плохо — таких не хотят отпускать.

Но Ио пришлось мне дать относительную свободу: он сам научил меня многому. И шантажу в том числе. Так что у нас с хозяином ночных улиц случился уговор, как у него прежде со стражей: я выполняю задания, которые берет гильдия. Я плачу взносы, как и все воры. Но живу своей жизнью. А еще — коплю на выкуп. Но об этом Ио пока не знал. А клятва верности, данная на крови, не даст мне сбежать от него дальше столицы.

Вот такой расклад: я почти свободна, но в пределах городских стен.

Я тряхнула головой, прогоняя воспоминания, и высыпала на стол содержимое своей сумки. Там, среди запасных отмычек и сменной рубашки, лежало несколько листов. Я развернула их на свет лампы.

Описание заказа. Тиль, старая карга, снабдила меня подробной выпиской: в гильдии сидели свои грамотеи, которые умели выуживать сведения из королевской канцелярии.

Турнир «Свободное падение». Межкоролевское состязание академий. Раз в год команды адептов взбираются на драконов, поднимаются в небо — и сигают вниз без страха, упрека и тормозов.

Дальше шло описание правил. Прыжок. Во время падения — магическая дуэль: надо поразить соперника заклинанием. Потом — торможение. Адепты должны загасить скорость падения магией и приземлиться на ноги в строго отведенном квадрате.

Команда победителей получает кубок. На одной из страниц был рисунок.

Чаша из белого дерева, инкрустированная черным жемчугом. Ножка — витые корни. С виду — просто дорогая безделица, но... если в гильдию поступил заказ, причем клиент готов выложить за посудину три тысячи золотых — эта погребушка не из простых.

Опять же, владыка отжаловал ее из своей сокровищницы. Правда, при этом он, похоже, руководствовался принципом: мы, конечно, рады видеть делегации из соседних королевств на турнире, но не настолько, чтобы расщедриться хоть на одну медьку из казны ради создания награды. Поэтому возьмем какую-нибудь непонятную утварь, которая нам самим негожа, и обзовем ее призом. Ибо тот после вручения будет

как-то нехорошо отбирать у победителя спустя время.

А так — деревяшка с жемчугом и деревяшка. Не жалко. Экономия госбюджета!

Думаю, тому, кто выбрал именно эту чашу из всей королевской сокровищницы, была невдомек истинная ценность вещицы. И, думаю, ее бы давно уже украли мои коллеги по гильдии, если бы она не хранилась в одном из самых неприступных мест страны, где немало моего брата и сестры полегло.

Задумчиво погладила пальцем рисунок. Наверняка эта штукавина — артефакт.

Поморщилась от этой мысли. Связываться с магическими вещицами — все равно что хватать руками готовое рвануть разрывное проклятье — нужно успеть скинуть по-быстрому, пока ничего не рвануло и тебя саму отдачей не зацепило.

Глава 2

Итак, что я имею... С одной стороны, у нас, значит, артефакт с непонятными свойствами и очень-таки понятной ценой: убийственно большой. В смысле, за нее и прирезать могут. Потому меня начинали терзать смутные сомнения.

А с другой стороны — академия. Место дорогое и тем уже противное. Но главное — в нем магов больше, чем блох на шелудивом псе. Ни личиной нормально не воспользоваться, ни запрещенными чарами.

Да уж, Риса, ты оказалась меж двух проблем. Самое время загадывать желание. А еще — поесть. Потому как ничто не делает ужин таким вкусным, как отсутствие завтрака и имитация обеда. Потому как чашку чая в кафане за полноценный перекус я не считала.

Встала, потянулась до хруста в позвоночнике, переоделась в домашнее платье и пошлепала босиком по холодному каменному полу в кухоньку.

Она здесь была маленькая, но справная. Печка, сложенная из камня, занимала полстены. На полках — глиняные горшки, крынки, жестяные банки с чаем и специями. В углу — корзина с углями и растопкой. Я оглядела запасы и довольно хмыкнула.

Вчера удалось сходить на рынок и закупиться впрок. К тому же я всей душой (и желудком) ненавидела объедки —

и сыта была ими по горло за годы учебы в гильдии. Так что, когда в моем кошельке начало звякать серебро, первое, чем стала себя баловать изредка, — это вкусной едой.

Потому сейчас разожгла печь. Угли, вчерашние еще, едва тлели. Подкинула щепок, раздула мехами — и через пару минут веселое пламя уже лизало чугунную плиту. Сверху поставила тяжелую сковороду — черную, закопченную, выдавшую виды, но такую тяжелую, что наемники из гильдии убийц позавидовали бы: такой вырубать — одно удовольствие. Раз — и клиент уже переключился с этого света на тот.

На столе под куполом стазиса лежал кусок парного мяса с тонкой белой прожилкой жирка.

Вообще, заклинаний я знала чуть больше сотни. И те все боевые да охранные, ну и пару лекарственных, чтоб себя подлатать: уроки у мага стоили недешево, и на расточительство вроде бытовой магии или погодных плетений хозяин ночных улиц тратиться не стал. И за то я была ему благодарна: иначе сумма моего долга выросла бы еще больше.

Так что я приспособилась под боевым стазисом хранить быстро портящиеся продукты. Заклинанием горячих длящейся, что используют одаренные в ближнем бою, сжигая плоть противника, научилась локоны подвивать, точно щипцами, и ладонями гладить юбки без подпалин, а на удушающей петле порой подвешивала узелок с простоквашей, чтобы получить творог.

Нет, сама я понемногу выучилась по книге и другим простым плетениям. Но все равно порой использовала боевую магию в быту. Правда, и наоборот иногда случалось: все же заклинание удаления волос — страшная вещь! Особенно когда применяешь его на шевелюре противника, которую держишь в своей руке. Тот рыжий хвост, который я сняла едва ли не как скальп, запомнился мне надолго... А уж облысевшему полутроллю, вставшему между мной и заказом, — и подавно. Ух как у него тогда пригорело...

Впрочем, и у меня все в уголки может превратиться, если вовремя мясо не мешать. А то уже шкворчало, схватившись румяной корочкой. Я перевернула его деревянной лопаткой — другая сторона была еще розовая, с прозрачными капельками выступившего сока.

Пока свинина доходила, я вытащила из корзины луковичу — крупную, золотистую, с сухой шелухой. Порезала ее толстыми кольцами, бросила к мясу. Следом пошла пара помидоров — мясистых, красных, с тонкой кожицей. Чеснока я не пожалела — три крупных зубца, раздавленных плашмя ножом, отправились следом. Запах поплыл такой, что у меня голова закружилась.

А к этой вкуснотище у меня был еще каймак. Он стоял под тем же куполом стазиса в горшке. Я купила его у бабки на днях (да-да, воры не все тащат, они иногда и честные, особенно там, где живут, ибо одно из правил гильдии: в своем доме и квартале не гадят!) И та божилась, что сама снимала

с утреннего, самого жирного надоя. Сейчас белая масса была такой густой, что ложка стояла. С айваром и хлебом — в самый раз.

Отрезала ломоть толщиной в два пальца, положила его прямо на горячую плиту, чтоб подрумянился и захрустел. Кусок задымил, зазолотился, и я намазала его толстым слоем каймака — тот сразу начал таять, пропитывать хлеб, превращаясь в маслянистое, кисловатое облако.

Свинина уже была готова. Я поставила сковороду на стол и... начался гастрономический разврат! Которому обыкновенный, порой творившийся в соседних домах, и в подметки не годился.

Как я стонала от удовольствия, когда корочка хлеба хрустнула, осыпалась солью и кунжутом, а под ней — горячий, пропитанный тающим каймаком мякиш, нежный, с легким ароматом сливок. Я макнула его в подливу — горячую, жидкую, обволакивающую — и отправила в рот.

Боги!

— Как же хорошо-о-о, — протянула я вслух.

Из открытого окна в ответ донеслось едва слышное:

— Еще! Да-да, дорогой!!!

Глянула на сковороду. И вправду дорогой. Окорок-то нынче! Пятьдесят монет! С такими ценами про поговорку, где завтрак едят сами, а ужин отдают неприятелю, можно и запомнить. Да и вообще жизнь приучила, что и завтрак нужно есть самой, и обед ни с кем не делить, да и врагов не

иметь. Живых.

Одним словом, я зажмурилась и жевала, чувствуя, как по всему телу разливается тепло. Свинина таяла на языке, приправленная паприкой и чесноком, с хрустящей, чуть поджаренной корочкой, в которую въелся перец.

Когда на сковороде осталось только розовое пятно от подливки да пара крошек хлеба, я сыто откинулась на спинку стула и выдохнула. Желудок был полон, голова пуста, а резерв, потраченный сегодня еще до встречи с Тиль, начал-таки наполняться.

Я облизала пальцы по одному, смакуя остатки жира, каймака и соли, и только потом вытерла руки о кухонную тряпку.

Нет, все-таки жить хорошо. Правда, без долгов было бы еще лучше, но... что имеем, как говорится.

А на столе стоял запотевший кувшин. Сок из бузины — я его приготовила наперед, едва бузина зацвела. Набрала соцветий, которые в этом году раскрылись едва ли не на месяц раньше, обтряхнула от жучков, залила водой с лимоном и сахаром, а потом еще и закливанием ускорения жажнула, чтоб сбродил за один вечер, а не за седмицу.

Я налила полный стакан. Золотистый, прозрачный, с тонким цветочным ароматом — от него на душе становилось спокойно и сладко, будто ты не в душном городе, где по улицам веселой гулякой шляется последний весенний месяц — рой, заглядывает в настежь открытые по такой-то жаре окна.

Допила до дна и поставила стакан. Ну вот и славно. Вот и отдохнула. Вот тебе и снова пора пахать, Риса.

На улице уже совсем стемнело, соседка напротив зажгла свечи — сквозь кружевные легкомысленные занавески было видно, как она ходит по комнате в костюме младенца, которого забыли запеленать. М-да, моя соседка, Элен, кажется, так ее зовут, отлично знала: мужчину просто так, одними голыми руками, не возьмешь! Для этого дела нужно куда больше обнаженного женского тела... И сейчас, похоже, томноокая красавица перед своим покровителем откровенно раздевалась. Может, и издевалась тоже слегка, явно желая от того что-то получить.

Я лишь покачала головой и задернула свою штору поплотнее.

На стол лег мешок. Рядом — еще один... Набор инструментов у меня был богатый. За столько-то лет работы. При чем отмычки в нем занимали лишь малую часть.

Проще всего протиснуться в форточку. Куда сложнее — втереться в доверие. И для последнего нужно много чего. В первую очередь — документы. Почему-то на них люди полагаются куда больше, чем на слова. Хотя бумага, как по мне, может стерпеть куда больше лжи, чем уши и мозги.

Меж тем мои руки сами собой доставали коробочки, сверточки, баночки.

Первым делом — печати. У меня их было штук восемь: королевская канцелярия, столичный магистрат, гиль-

дия купцов, пара городских управ... Рядом — формуляры. Настоящие бланки, с водяными знаками и магической меткой. Я их стащила года два назад, когда обчищала одного чиновника из министерства образования. Думала, пригодятся — и не ошиблась. Пару раз они уже выручали. Вот и сейчас пригодились.

Разложила все перед собой. На миг задумалась. Перед мысленным взором всплыл четкий стремительный почерк, каким писцы порой выводят приказы. И не забыть витиеватую подпись в конце, которая якобы защищает от подделки. Ну-ну...

Макнула перо в чернила.

«Ионир Эйрис...»

Имя легло на бумагу как родное. Эйрис — от моего настоящего, Рысы, чтобы откликаться было легко и не попасться на артефактах правды. Ионир — принадлежащая Ио... Хотя своей фамилии у меня никогда и не было вовсе.

Так, дальше написать о семье... Ну, это просто.

Отец пусть будет столоначальник департамента снабжения из отдаленной восточной провинции. Мать — дочь челника, или проще, главы охраны храмового имущества.

Сама Эйрис, скажем, училась в Пограничной академии на факультете... тут я задумалась. На каком? Учитывая, что это место — драконья задница, там навряд ли много специальностей. Пусть будет бытовой.

Дальше — сложнее. Причина перевода. Я написала: «в

связи с переездом семьи в столицу». Отец-де продвинулся по службе. Звучит правдоподобно. Столоначальники средней руки часто кочуют за креслом повыше.

Я отложила заполненный бланк и взялась за печать.

Это была ювелирная работа. Воск — особый, с добавлением смолы, чтоб блестел как настоящий. Я зажгла свечу, подержала над ней ложку с воском, дождалась, пока он станет жидким, и аккуратно капнула в нужное место. Пара секунд — и воск застыл матовым кружочком.

Теперь главное — печать.

Я взяла свою драгоценность, подержала в руке, вливая магию, и вдавила в воск ровно, без перекоса. Замерла, считая про себя: раз, два, три... на четыре осторожно сняла.

Идеально.

Герб академии — раскрытая книга, пронзенная мечом, над ней корона — отпечатались четко, без смазов. Я поднесла бумагу к свече, повертела. Красота.

Дальше пошли подписи. Благо их имелся целый каталог. Вернее, тетрадь, в которую я некогда перерисовала все росчерки важных людей с записей Угря Фива — мастера ксив.

А после пополняла свою коллекцию теми загогулинами, с которыми сама сталкивалась по работе.

Так что, если ведьмы говорят: пришла беда — открывай гримуар, то я придерживаюсь правила: пришел заказ — сверься с перечнем.

Нашелся в нем, кстати, и ректор Пограничной академии

— правда, образец достался мне через Фива, так что непонятно, сколько лет этому изображению и не помер ли хозяин подписи. Но иного все равно нет...

За окном давно уже стихла музыка у соседки, погасли огни в квартале. Только где-то далеко брехала собака да перекликались ночные сторожа. Я сидела при одной свече, склонившись над столом, и создавала на бумаге чужую жизнь.

Справка о благонадежности. Аттестат об окончании школы (здесь пришлось повозиться — оценки я выставила средние, чтоб не выделяться, ровно так, чтоб перевели, но не хвалили). Прощение о зачислении на имя ректора. Копия личного дела.

К четвертому удару колокола у меня была готова целая стопка.

Я откинулась на стуле, потерла слипающиеся глаза. В голове гудело, пальцы сводило от напряжения. Передо мной лежала моя новая история, которую я и сложила в папку. Оставила лишь письмо с уведомлением, которое случайно «припозднилось», так что девица Эйрис прибыла в академию раньше него.

На столе еще оставался кувшин с соком из бузины. Я налила остатки — уже тепловатые, но все еще пахнувшие летом — и выпила залпом. Сладкая прохлада смыла усталость, хоть и ненадолго.

Взгляд упал украденные на золотые монеты. Я взяла одну, повертела в пальцах, глядя на старого короля с дурацкими

бакенбардами. А вот этим и оплачу как раз месяц проживания и обучения в академии.

Хорошо хоть турнир проводят перед началом лета, когда учебный год на исходе: не нужно будет сильно тратиться на прикрытие.

И все же интересно: кто он такой, этот, уже вчерашний, бегун? И почему за ним гнались? Впрочем, если сумел уйти сразу от пятерых убийц (и раз Тиль их знала — значит, ребята в гильдии занимают далеко не последнее место), то этот брюнет не так-то прост... Но он — не моя забота. Моя — это кубок.

Я сунула монеты обратно в кошель, убрала инструменты. Свеча к этому времени догорала, фитиль плавал в лужице воска. Да и не нужен был ее свет уже. За окном занимался новый день.

Но до удара колокола, в который откроются ворота академии, еще есть время. Надо бы прилечь. Но сил уже не было даже раздеться. Я просто уронила голову на скрещенные руки, прямо на стол, рядом с папкой, пахнувшей свежими чернилами и воском.

Мысли поплыли, смешались в кашу, и в ней-то мозги и увязли. Я уснула. И привиделось мне, как я бегу по самому коньку черепичной крыши. К груди прижимаю отчего-то не кубок, а яйцо дракона, за мной гонятся стражники, вопя:

— Согласно уставу гильдии воров вы обязаны остановиться!

Но я лишь шибче бегу. А впереди мчится брюнет, которого я обокрала, подгоняя:

— Какого демона, Риса? Кто тебя вообще так красть учил?

Причем слова бросает через плечо. А еще стучит, стучит подметками сапог по крыше... да так громко, что я очнулась! И поняла, что этот стук мне всего лишь привиделся.

Едва это осознала, как невольно подумалось: интересно, если мне все утро снился мой обычный (ну почти) рабочий день, кто мне его оплатит?

Вдохнула. Увы, в жизни обычно предпочитали давать не денег, а по шее. Хотя сейчас конкретно — прямо по мозгам!

— Да прекратится этот стук в конце-то концов! — рыкнула я, подошла к окну и выглянула.

Оказалось, у соседского забора работал плотник, чиня калитку.

— Уважаемый, пожалуйста, не молотите так! — попросила я.

— Это еще почему? — праведно возмутился мужик.

— Вы сбиваете с ритма весь район! — нашла я.

Рабочий непонимающе оглянулся. Надул подкрученные, как у жука, усы и только хотел возмутиться, какой такой ритм, но тут, видимо, вспомнил, в каком он квартале, и...

Долбить он и вправду стал реже. Зато теперь получалось похабнее.

Я меж тем умылась ледяной водой из кувшина, переоде-

лась в подходящее платье и покрутилась перед зеркалом.

Светлые волосы, тощая фигура, испуганное личико — вылитая провинциалочка. Только взгляд выдает. Слишком острый, слишком цепкий.

Я научилась его прятать. Опускать ресницы, смотреть чуть в сторону, улыбаться глуповато. Люди любят глупеньких.

Позавтракала черной, точно душа грешника, крепкой, как смертельное проклятье, кафой и кифлей с сыром, вздохнула и рассовала по потайным карманам мелочи, без которых никогда не выходила из дома, как иные девицы — без макияжа. В сумку сунула связку отмычек, папку с документами, письмо, нацепила на лицо наивную улыбку... Ну все, пора.

Я шагала быстро, стараясь не привлекать внимания. Академия располагалась некогда на окраине города. Видимо, на случай, если адепты будут разносить ее стены, было меньше пострадавших среди простого люда. Ну и, опять же, крылатые ящерицы. Драконюшни много места занимают.

Но время шло, столица ширилась. И сейчас оплот адептской дури был аккурат между центральной ярмарочной площадью (которую в гильдии именовали Висельной, поскольку именно на ней много наших полегло) и предместьем.

Впереди уже маячили серые стены, башни с бойницами, флаги с гербами, когда меня обогнал какой-то шустрый верховой на лошади. Едва грязью, летевшей из-под копыт вороной, не обдал, паразит.

У ворот академии он даже не спешил, лишь показал привратнику свиток, махнув им.

«Не местный», — поняла я, и от этой догадки был какой-то противный, металлический привкус.

Я же не прошла мимо стража, а остановилась. Поздоровавшись, в паре слов объяснила, что перевожусь в академию, и уточнила дорогу до приемной ректора.

Привратник оказался тот еще тролль, хоть и чистокровный оборотень, судя по заостренным ушам, чуть удлиненным клыкам и повышенной волосатости. При последней возраст идентификации поддавался тяжело и варьировался между тридцатью и семьюдесятью. В общем, такой непредсказуемый период, когда с одинаковой вероятностью может захотеться влюбиться и наследника, или на пенсию и в деревню — сажать грядки, печень, дракона на поле...

— Видно блохи твои дела, деточка, раз в конце года перевестись решила, — беззлобно заметил перевертыш, на котором форменный академический мундир сидел так, будто мужик в нем спал, ел и, возможно, даже родился. Пуговицы расстегнуты, ворот мятый, из-под фуражки, сдвинутой набекрень, торчал клочок серой шерсти.

— Может, плохи?

Уточнила я, прикидывая, зачем вообще здесь привратник нужен. Магия же кругом. Но, не иначе, местный ректор на одни лишь чары не привык полагаться. И правильно, к слову, делал. Кругом столько чародеев с потенциалом взломщика

заклинаний средней руки...

— Ну, тебе лучше знать, что там у тебя: паразиты или проблемы, — белозубо улыбнулся шерстистый, довольный собственной плоской шуткой.

Очень уж хотелось ответить типу, что у меня ни с чем проблем нет. А у него таки прямо беда. С достоинством.

Одним словом, смолчала, вместо этого изобразив глупость, граничащую с тупостью, которой можно глушить не хуже дубины, и произнесла:

— Пока у меня единственная проблема — найти кабинет ректора.

И глазками активно так хлоп-хлоп. Еще немного — и откроется взлетная тяга.

Впрочем, оборотень не стал дальше изгаляться и объяснил-таки, куда идти. В общем, повел себя как типичный двуликий, которому важно показать, что он здесь самый могучий, кусучий, крупнющий и... вонючий альфа.

Утвердил свою самость и стал адекватен. При этом он даже не заметил, как остался без ремня на штанах.

А все потому, что не надо девушке хамить!

Все же иногда я радуюсь, что в столице не так много нелюдей — все же налог для иноземных рас выше, да и не все горожане любят иных. Впрочем, подозреваю, что в провинциях люди еще менее терпимы...

Я же не любила ни дивных, ни перевертышей по иной причине: красть у таких было сложнее.

Прощавшись, я вошла во внутренний двор. Тот гудел, как улей. Адепты сновали туда-сюда, кто-то тащил манекены для тренировок, кто-то спорил о тактике, кто-то просто сидел на лавках и грелся на утреннем солнце. Пахло драконами, жареным мясом из столовой и той легкой порой, когда уже исчезли прыщи, но не начались морщины.

Я уже шагнула на первую ступень мраморной лестницы, когда тень накрыла меня — огромная, стремительная. Вскинула голову и замерла.

Драконы.

Три силуэта — два поменьше и один огромный, с размахом крыльев, наверное, как весь мой дом — пронеслись надо мной так низко, что я почувствовала ветер от их крыльев. Чешуя отсвечивала изумрудом, синевой и бронзой, когти поджаты к брюху.

А на этих ящерюгах — люди.

Всадники в алой форме, прильнувшие к спинам драконов, как одно целое. Боевые маги. Разглядеть не то что лиц толком — даже силуэтов особо не удалось. Драконы ушли в небо, только хвосты мелькнули, рассекая лазурь.

Обычно в столице так низко крылатые не летали и приземлялись на специальном взлетно-посадочном поле, недалеко от залива. А здесь же, в академии, был свой стадион, где и тренировались боевые маги со своими животинами, и проходили соревнования.

Я тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли. Огляну-

лась на привратника, мимо которого наверняка уже успела пройти уйма магов, а сейчас шествовал какой-то, судя по виду, профессор. Перед ним оборотень едва не во фрунт вытянулся.

И... есть вот торжественное поднятие флага. Оказалось, и спуск штанов тоже. Те слетели как по команде.

Что ж, перевертыш оказался не лишен достоинства. Мужского — так точно. Оно весьма красноречиво приподнимало исподнее в положенном месте.

Испытала ли я при этом угрызения совести? Пф! Когда этой глупости нет, то и грызть нечему.

Глава 3

Полюбовавшись на падение штанов, а с ними и нравов в академии, я ускорила шаг. Лестницы здесь были широкие, каменные, стертые тысячами ног. На стенах в самом главном корпусе висели портреты бывших ректоров — все как один суровые мужики с бакенбардами. Интересно, а женщин здесь вообще жалуют? Судя по портретам и привратнику — не очень.

То ли дело родная гильдия. Никаких предрассудков по полу, возрасту, вере — в ее ряды вступить мог любой. И выйти — тоже. Правда, вперед ногами. Ну а для самых талантливых была даже торжественная церемония, которую мог почтить даже король. Виселица на центральной площади — старинная забава в королевстве, всегда собиравшая толпу. И надо было иметь немалую сноровку, чтобы протиснуться через скопище в первый ряд или обнести кого...

Впрочем, ловкость, как оказалось, вещь необходимая и в стенах академии. Особенно когда на тебя из-за угла в лучших традициях крупных неприятностей выскакивает девица.

Она вылетела с такой скоростью, будто за ней все демоны Пекла гнались, — худая, длинноногая, в огромных круглых очках, державшихся на кончике ее носа вопреки всем законам гравитации и анатомии. В руках — внушительная стоп-

ка писем.

В последний миг, когда я уже разминулась с востроносой, краем глаза увидела надпись на верхнем конверте «Ректору Енгр Небориш» и решила, что не стоит упускать подвернувшийся (вернее, выскочивший на меня) случай.

— Осторожнее! — пискнула девица, но поздно.

Моя нога дернулась в сторону. Кажется, посыльная даже не поняла, что случилось. Лишь бестолково взмахнула руками, подкинув в воздух веером свою ношу, и начала падать. Причем неуклюже так, лицом вперед, даже не думая не то что сгруппироваться, хоть руки выставить, колени подсогнуть... Да хоть что-то сделать! Не истукан ведь!

«Расшибется!» — промелькнула мысль. А рука уже сама схватила тонкое девичье запястье, не давая носу торжественно поприветствовать пол.

Спасенная замерла буквально в паре пальцев от каменных плит.

Мгновение тишины. Второе. Третье... Я уже засомневалась: вдруг все-таки русоволосая тюкнулась лбом? Но тут снизу раздалось одно-единственное:

— Ой!

А потом дзинькнули очки, похоже свалившись-таки с носа. Благо чуть позже выяснилось, что они не разбились. Вместе с этим я выяснила, что мне попалась весьма целеустремленная, но при этом отнюдь не реакционноспособная девушка.

Зато подбросить ей мое поддельное письмо, пока собирали остальную корреспонденцию, труда не составило.

Глядя из тени коридорной ниши вслед посыльной, которая отправилась дальше к массивной двери — самой внушительной на этаже, я про себя усмехнулась: секретарь ректора получит новость о переводе в боевую академию новой адепки через три, два, один...

Дробный стук о резную створку, и до меня, несмотря на солидное расстояние, долетел звонкий девичий голос:

— Господин Стефан, я вам письма свежие принесла и несколько документов из канцелярии на подпись главе академии...

Так, а теперь стоит немного подождать, пока секретарь прочтет о моем переводе.

Чтобы не стоять столбом и не светиться раньше времени, я решила подняться на этаж повыше и поняла: сегодня мне явно фартило. В холле перед лестницей на третий этаж стояли стенды. Стеклянные, подсвечены магическими кристаллами и пафосом.

«Победители межкоролевского турнира. Столичная боевая академия» — гласила надпись сверху.

Я пробежалась взглядом по миниатюрным динамическим портретам. Портреты, портреты, портреты. Довольные лица, белозубые улыбки, гордые подписи: имя, факультет, год. Рядом — медали на лентах и грамоты в рамках, с вензелями и сургучными печатями.

Но кубков не было. Ни одного.

Пригляделась внимательнее. На некоторых изображениях призеры были изображены с кубками в руках — да, вон тот усатый тип держал в своих клешнях здоровенную чашу. Но на витрине — пусто.

Значит, победитель забирает награду от короля себе. Жаль. Спереть бы отсюда труда не составило. Так что либо придется лезть к победителю домой, либо подменить приз при вручении... Второй вариант мне нравился больше: спокойнее, безопаснее. Но это при условии, что у меня не будет конкурентов.

А те, как выяснилось, не заставили себя ждать.

Едва я спустилась к секретарю ректора, которым оказался молодой мужчина не столько красивый, сколько качественно отпугивающий своим видом неприятности и наглых адептов. И сейчас, судя по его виду, он находился в той стадии рабочего процесса, когда жизненно важно сосредоточиться и из всех сил постараться не сдохнуть.

— Я Эйрис Ионир, — представилась, изобразила легкую робость, прикусила губу, потупилась. — Пришла по поводу перевода, о нем должен был уведомить ректор моей академии.

Секретарь зыркнул на меня воспаленными красными глазами человека, который провел ночь примерно так же, как и я, — в работе — и выдохнул:

— Да-да-да. Помню-помню. Куда я тебя засунул-то...

Видимо, то ли в силу небольшой разницы в возрасте, то ли потому, что секретарь в целом не считал адептов за людей, достойных "вы", то ли просто себя ставил выше... Ведь посыльная обратилась к нему "господин"... Так или иначе я удостоилась лишь "ты". Ну не "ах ты, зараза" уже хорошо.

Меж те черные нарукавники, призванные защитить манжеты рубашки от чернил, запорхали по полкам.

— Так, здесь прошение о замене повара, Матеуш ногу обварил, нужно одобрить нового работника, — бормотал парень, перебирая бумаги. Видимо, звуки собственного голоса помогали ему удержать мысли в голове. Не иначе. — Это приказ о содействии службе королевской охраны в подготовке к турниру. Тут заявление магистра Войбоша о больничном... А, вот, нашел!

И он с облегченным вздохом повернулся ко мне.

А я вот озадачилась. Услышанное мне не понравилось. Впрочем, вида не подала, а, мило улыбнувшись, словно бы невзначай заметила:

— У вас каждый день столько всего? — и на недоуменный, слегка раздраженный взгляд секретаря пояснила: — Ну замены поварам, преподавателя искать...

— Обычно все же поменьше. Особенно адептов по переводу к концу года. Но на этой седмице леший знает что творится. Ты уже третья...

У меня на это дернулся глаз. В повара я бы еще поверила. Ну и стража объяснима. Но чтобы сразу трое магов решили

перевестись в рой месяц, когда сирень расцветает, adeпты распускаются вконец и все об этом самом конце учебного года только и думают, — мягко говоря, странно.

Ладно, у меня дело есть — спереть кубок. А остальные что здесь забыли? Конкур-р-ренты проклятые. И, скорее всего, не из гильдии. Ио обычно заказ только одному вору из своих дает. А значит, эти — залетные! Клыки им в печень, чтоб были не вечны.

— Надеюсь, что буду и последней.

— А уж я-то как хочу в это верить, — фыркнул молодой секретарь, потеряв переносицу. А после, держа мое письмо в руках, добавил: — Сейчас доложу о тебе ректору...

Вернулся Стефан, к слову, в момент и тут же произнес:

— Проходи. Ректор Небориш тебя примет.

Ну я и вошла в приоткрытую секретарем дверь, готовясь очаровывать старого маразматика лучшей из своих улыбок. Ибо, судя по портретикам в холле, главы академий были как на подбор с седидами, морщинами, организма руинами...

Вот только стоило мне посмотреть в сторону окна, туда, где стоял массивный стол, как я чуть не споткнулась.

Потрясение первое. Енгр Небориш — женщина. Причем весьма собранная. И сборная тоже.

Глаз у нее был один. Второй — стеклянный, голубой, искусно, впрочем, выполненный, безжизненно смотрел куда-то в сторону. Челюсть, когда дама со мной заговорила, двигалась не совсем естественно, что наводило на подозрения о

том, что она вставная. На голове наметанным глазом я определила парик.

Довершала образ Небориш механическая рука. Протез, сделанный мастерски, со множеством шестеренок, стабилизационных кристаллов и тройной структурой плетения, крепился к локтю ректора и двигался точно живой. Пальцы даже писчее перо держали!

Как раз когда я вошла, его-то ректор и отложила.

— Эйрис Ионир? — голос у нее оказался четким и под стать руке — стальным. — Значит, с бытового факультета Пограничной академии к нам на снабжение? Отчего именно сюда?

И ведь как вопрос задала: сразу и не поймешь, что имеет в виду. То ли зачем в боевую академию в целом, то ли в снабженцы в частности.

Решив, что второй вариант устраивает больше, я решила ответить, как мне удобнее:

— Поскольку на просто бытовой я перевестись не могла — у вас этот факультет поделен на несколько — то я выбрала то, что ко мне ближе.

— И оказалось ближе снабжение? Не продовольственный, не казарменное хозяйство, не логистический... — протянула ректор и встала.

И тут раздался скрип. Причем не стула, а металлический такой... Что, у нее еще и нога замененная? Что же у этой женщины своего, помимо силы воли, на которой остальное

и держится вместе?

Не-е-ет, таких людей определенно стоит как минимум уважать, максимум — опасаться. Если она смогла собрать себя по частям, то и академию наверняка не развалит. А если учесть, что эта женщина сумела пробить себе путь среди мужчин в боевой академии...

Нет, нужно менять тактику. Глупость с такой не прокатит. Ложь — может. Но не факт. Да и зачем?..

— Просто я лучше многих знаю, что и где можно взять...

— Удивительное дело, но это прозвучало как правда или убежденность в ней, — усмехнувшись, отозвалась эта полумеханическая женщина и тут же требовательно добавила: — Хочу взглянуть на документы.

И с этими словами ректор несколько раз быстро согнула ладонь в характерном жесте: мол, давай все, чего мешкаешь.

А мой взгляд невольно выхватил кольцо на пальце здоровой руки главы академии. Родовая печатка. Такими обычно щеголяют главы сиятельных родов. Твою ж Преисподнюю. Эта Энгр еще и леди, так ее разэтак! Страшная женщина!

Меж тем мои аттестат, рекомендательное письмо и куча иных бумаг удостоились тщательного изучения. Такого, которому иной дознаватель мог бы позавидовать. Я же озвучила свою историю про перевод отца-столонячка в столицу с повышением.

Казалось, Небориш Энгр чует подвох, как иной наемник — привкус поденков в поданном трактирном пойле, но по-

нять, где именно ее пытаются наколоть, не могла. Потому решила спросить прямо:

— Есть беременность или иные болезни?

Неожиданный вопрос. Хотя... Это же боевая академия. Молодых горячих магов полно. А один из трех способов пополнить резерв — как раз провести с кем-то ночь. Лично я в качестве этого кого-то предпочитала хороший стейк с фасолью. Но многие предпочитали вкусу мяса вкус поцелуев... Был, правда, еще вариант — накопители. Те махом накачивали тело энергией. Но стоили запредельно дорого. Потому многим попросту были недоступны.

Так что да, с учетом уровня мужественности вокруг, вопрос беременности мог здесь витать в воздухе.

— Да я ничем, кроме скуки, которая порой бывает, и не страдаю...

— Ну от скуки здесь мигом вылечат. А в остальном — продолжать так же и никакой иной дурью не страдать, — отчеканила ректор.

— Есть не страдать, — выдохнула я, едва не козырнув.

Ну и тон у этой леди! Невольно честь заставляет отдавать. Даже если та у меня — исключительно воровская.

Впрочем, уважением к ректору я прониклась настолько, что даже ничего не украла. Мало того, даже отдала. Ремень привратника. Подбросила тот в угол. Из восхищения стальной волей.

Как итог — ректор повелела секретарю оформить приказ

о моем зачислении.

— Общежитие нужно? Или ты дома живешь, раз из столицы? — не отрывая взгляда и пера от бумаги и выводя строчки приказа, спросил Стефан.

Ему я тоже скормила сказочку про папу-чиновника.

С ответом на вопрос я помедлила. Задумалась. Дома — это в Кружевном районе. Там тихо, там я сама себе хозяйка, там можно спокойно готовиться к краже. Но туда добираться каждый день — время терять. А конкуренты меж тем не дремлют!

С другой стороны, в общежитии — люди. Соседи. Лишние глаза. Которые могут заметить, что куда-то исчезла посреди ночи...

— Господин Стефан, — я снова изобразила робость. — А можно я в общежитии поживу? Мне заниматься надо много, в библиотеке допоздна сидеть буду — нужно же нагонять программу, хоть я и не первокурсница...

— Хорошо. Тогда за еду и кров еще четыре золотых к тем восьми, что на учебу. По одной — на каждую седмицу проживания и питания.

«М-да... Знания в столичной академии дорогого стоят!» — про себя хмыкнула я, мысленно прощалась с честно уволованным вчера у брюнета деньгами, а после достала кошель и отсчитала нужную сумму, чтобы передать секретарю.

Стефан взял деньги, хоть и проворчал, что надо бы самой явиться к счетоводам, потом снова с квитком сюда, за печат-

тью, и... шлепнул последнюю на гербовую бумагу со словами:
— Твой корпус будет седьмым. Но сначала загляни в женское общежитие, чтоб выделили место. Покажешь коменданту приказ о зачислении. Только подожди, я сейчас его на подпись сношу...

Дождавшись, пока ректор заверит бумагу, я взяла ту и отправилась туда, куда меня и послали. Правда, перед этим срисовала (пока лишь в памяти) решительный росчерк. Надо бы занести его в мою тетрадочку...

Из главного корпуса я выпорхнула, имея при себе приказ о зачислении и жгучий профессиональный интерес: когда-нибудь вернуться сюда с отмычками, чтобы просто посмотреть, что у этой удивительной женщины — Небориш Энгр — лежит в сейфе. Ибо там могло быть всё: от гостайн и шпионских шифров до четырехгранного штофа и тарелки с обрезками суджука, которые способны пленить своим копченым ароматом даже самого привередливого колбасного гурмана. Но,дается мне, леди ректор могла все это успешно совмещать. С ее-то способностью к интеграции.

Мысли о ректоре витали в моей голове, когда ноги несли свою хозяйку к общежитию. Благо секретарь дорогу туда объяснил доходчиво. Вот только до места, куда меня послали, я так и не дошла.

Потому что на полпути, когда я прикидывала, сколько еще золотых останется от моих сбережений после оплаты «крова и еды» (цены здесь явно кусались похлеще сторожевых

псов), мимо пробежала группа адептов. Все как один взмыленные, возбужденные, с горящими глазами.

— Быстрее, там уже драконов выводят!

— Небесные прыжки — это вам не поцелуйчики на спор меж стеллажами в библиотеке, тут настоящее зрелище!

— Вся шестерка уже в сборе!

Я замедлила шаг.

Драконы?

Огромных крылатых я до сегодняшнего дня видела лишь в облаках. Выбраться за пределы столицы на спине ящера не позволяла клятва, данная мной Ио, а воровать драконов за свою карьеру как-то не доводилось. Вот если бы в гильдию пришел заказ...

Так что да, меня разобрало любопытство. Захотелось взглянуть на ящерюг на земле и близко. А не в небе и далеко.

Потому я поспешила вслед за парнями туда, откуда доносился тяжелый, ритмичный гул. Правда, арена оказалась не близко. Зато какая!

Огромная чаша, вырубленная прямо в скальном основании, на котором стояла академия. Ярусы зрительских мест пустовали — тренировка все-таки, не показательное выступление. А внизу, на утрамбованной земле, покрытой защитными рунами, стояли трое драконов.

Первый — угольно-черный, как душа отпетого грешника, с гребнем, отливающим багровым, будто внутри у него бурлила лава. Чешуя переливалась, когда он делал вдох, и

я готова поклясться, что воздух вокруг него был жарким не только из-за знойной ройской погоды. Второй — серебристо-молочный, под цвет утреннего тумана, изящный, с длинной шеей и глазами такими светлыми, что казались бельмами, хотя я почему-то была уверена — видит он лучше любого из нас. Третий застыл статуей. Медный, массивный, с шипастым хвостом, которым он лениво ударял оземь, словно огромный кот, который еще не решил: в возмущении он или всепрощающий. А на рыжей его морде читалось такое презрение ко всем окружающим, что я невольно прониклась уважением. Этот охристый явно считал себя главным.

Промелькнула мысль: «И при входе надо мной пролетела тоже троица. Хм... интересно, это здесь так заведено — соображать на троих?»

У каждого дракона на загривке сидел погонщик в кожаном доспехе, укрепленном металлическими пластинами. А рядом...

Рядом стояли адепты в красных мундирах. Четверо. И все как один ожидающе смотрели в одну сторону.

Я проследила за их взглядами и... замерла.

Он стоял чуть поодаль, вполоборота ко мне, и до этого его прикрывало охристое крыло, которое дракон только что соизволил сложить.

Брюнет разговаривал с погонщиком. И ладно бы это был какой-то незнакомый чернявый. Нет! Тот самый, что вчера угрожал мне ножом, гад! Красный мундир сидел на нем так,

будто форму шили специально под заказ. Хотя почему «будто»? Наверняка! Аристократы именно так и делают, даже если одежда уставная. Но дело не в ней. А в самом типе.

Сейчас я смогла разглядеть без личины не только мужской затылок, а, так сказать, всего клиента гильдии наемных убийц целиком. Причем живым и непотресканным.

Вчерашний бегун был рослым. Выше большинства собравшихся адептов, причем выше ровно настолько, чтобы смотреть на всех сверху вниз, не напрягая шеи. Широкие плечи не превращали брюнета в неповоротливый шкаф, который может лишь красиво стоять и громко падать. Скорее уж этот тип напоминал хорошо отлаженный дальнострельный арбалет, где каждая деталь ровно на своем месте, ничего не выпирает, мешая наемнику целиться, да и бьет такое оружие без осечек.

«Хм... А неплохое прозвище — арбалет. Или, может, все же бегун... Нет, беглый!» — размышляла я. Была у меня такая привычка: в каждом своем деле я давала людям, с которыми приходилось работать, прозвища. Фамилии порой были вымышленными, имена — не отражавшими суть... И все это быстро стиралось из памяти, а вот емкое словцо так крепко у меня в мозгах застревало, что я спустя годы отлично помнила каждого клиента!

Так что да, пусть будет Беглый. Опять же с такими длинными ногами, какие у брюнета, — прозвище самое то.

Тип, который и не догадывался, как только что был поиме-

нован, меж тем холодно что-то говорил погонщику. О том, что от слов брюнета тянет ледком, можно было догадаться по выражению лица адепта.

Темные брови — вразлет, сейчас были чуть сведены к переносице. Скулы — высокие, четкие, сейчас и вовсе заострились. Так бывает у того, кто, стиснув зубы, сдерживается, стараясь говорить ровно. Губы — плотно сжаты.

Добавить к этому волевой подбородок и нос с легкой горбинкой, которую иные назвали бы портящей лик, но я бы сказала иначе: придающей характер, — и идеальный профиль для чеканки на монете готов.

А Беглый ничего так... выдающийся в своем роде... гад! Явно породистый, если судить по внешности. Аристократ, чтоб его! А вот по взгляду — матерый воин.

Даже на расстоянии я смогла разглядеть глаза Беглого, повернувшегося ко мне сейчас полубоком. Светлые, льди-сто-серые. И смотрели эти глаза... тяжело. Цепко. Так смотрят хищники, оценивая добычу и заранее не показывая клыков. И самый надежный способ спасти себя от такого зверя — это скормить ему кого-то другого...

Беглый договорил и теперь слушал погонщика, но я кожей чувствовала: чернявый сканирует пространство вокруг. Привычка тех, кто не имеет права на ошибку.

Вчера в полутьме переулка я его толком не разглядела. Помнила только крепкое тело, теплую кожу под пальцами и то, как легко он расстался с кошельком, обнаружив пропажу

того из своего кармана.

Хотя мне пришлось потрудиться, обходя заклинания от воров и случайной потери. М-да, кажется, я обчистила не того... И от этого понимания в груди екнуло.

— Ой, смотрите, Кернир сегодня явно не в духе! — раздалось слева.

Скосила взгляд. В паре шагов от меня две девицы в таких же красных мундирах стояли в обнимку и буквально пожирали брюнета глазами. Та, что повыше, поправила вырез на груди, опустив его столь низко, что у меня возникли опасения: не простудит ли адептка так свое доброе имя? Хотя какое до него дело, когда на кону мужское внимание? Та же, что была ниже и не столь... рельефной, лишь вздыхала. Но делала это столь театрально, что я бы поставила ей «неуд» по лицедейскому мастерству.

Мне же было сейчас не до громких звуков. Да и выпячивать ничего не хотелось... Ну и, по правде, нечего особо было: я всегда была плоской, как доска. Видимо, небеса дают впечатляющий бюст и противовес сзади только тем, у кого иного нет. Чтоб в жизни не пропали.

С такими мыслями я и дала задний ход. Полюбовалась на дракошек — и хватит. Но именно в этот момент врезалась спиной в чью-то грудь. Судя по всему — мужскую. И прямо у меня над ухом заорали во всю глотку:

— Капитан, я принес!

На этот крик обернулись многие. И Беглый — тоже. На-

ши взгляды встретились. Узнавание. Искры. Буря. Капец... Мне. И эпитафия сверху. Ее-то, витиеватую, высеченную на камне, я и прочла во льдистом взгляде чернявого.

Что там мне вчера показалось?.. Гад шантажистый легко расстался с деньгами?.. Ну-ну...

Глава 4

Впрочем, мне не должно было быть дела до чьих-то разочарований, возмущений и обещаний в духе «узнаю, какая сволочь это сделала — убью!». Потому я ударила волной сырой силы в одну из пожирательниц взглядом, что стояли впереди и совсем недавно обсуждали брюнета. Укол магии был безобидным, но болезненным. Адептка взвизгнула, отвлекая на себя внимание, а я угрем скользнула вбок, под прикрытия спин еще двух магов, чтобы тотчас раствориться в толпе.

Тот самый Кернир, только на миг оторвавшийся от меня взгляд на вскрикнувшую девицу, тотчас устоялся в то место, где я была ударом сердца ранее.

Но... Хороший вор уходит по-эльфийски, не прощаясь и быстро. А я считала себя одной из лучших в своей гильдии. Так что, как бы брюнет ни всматривался в многолюдное (хотя вернее будет многомагное) скопище зевак, найти меня не смог.

Я же стояла в задних рядах, наблюдая за тем, как этот Кернир (ну и имечко, как будто драконий рык), нахмурившись, несколько раз зыркнул на адептскую ватагу, потом плюнул на это дело и что-то кивнул подоспевшему парню (тому самому, в которого я врезалась), взял принесенный ларец. Достал из того какие-то артефакты. Парочку нацепил на себя. Остальные дал рыжей напарнице, а после они оба взлетели в

седла, располагавшиеся позади погонщика драконов.

Раздался сигнал — видимо, тренера — и в следующий миг ветер ударил в лицо, и драконы встали на крыло. Все три чешуйчатые туши разом взмыли в небо — тяжело, мощно, но с какой-то пугающей грацией. Второй взмах — и они уже в небе, над ареной, над академией, над всем этим миром.

Я смотрела, как ящеры закладывают круги меж облаков. Сильные. Прекрасные. Свободные... «Везет же некоторым», — с завистью подумала я.

А потом тряхнула головой, одернула себя и напредила главное: у меня дело. И, возможно, конкуренты, которые тоже зачем-то приперлись в эту академию. Так что паши, Риса, работай. И пока солнце высоко, и при луне... это называется ненормированный рабочий график, чтоб его демоны сожрали.

Помянув недобрым словом свое ремесло и его издержки, я выбралась из толпы и двинулась к корпусу снабжения, располагавшемуся на крутом таком пригорке.

Ноги сами несли меня по широкой аллее, где гранатовые деревца тянули ветви к солнцу, инжир топорщил широкие листья, а из кустов олеандра несло такой сладкой дуры, что голова шла кругом. Все это забирало внимание на себя, прятало под весенним буйством красок серые стены академии с интригами, таившимися за ними.

Прямо как в столице с людьми. Те всегда пытались принарядиться, прикрыться кружевами, навешать на себя мишу-

ры, чтобы скрыть неприглядную суть нутра.

От этой мысли стало даже как-то спокойнее, что ли. Будто я очутилась в знакомом мире фальши, скрытой под маской добродетели.

Впереди показалась высокая и, увы, не карьерная, а просто лестница, ведущая к корпусу с табличкой «Факультет тылового обеспечения». Я поднялась на первую ступень, когда вдруг краем глаза уловила движение в небе.

Драконы шли на снижение.

Замерла на последней ступени, задрав голову. Три огромных силуэта — синий, бронзовый и черный, как летняя ночь над столицей, — планировали над ареной, медленно снижаясь. А потом из седел прыгнули фигуры.

Четыре, пять, шесть... Они падали камнями, и на миг мне показалось, что это не маги, а просто тряпичные куклы, которые сбросили за ненадобностью. Но в следующий миг воздух разорвали вспышки.

Боевики в красных, как перец на базарных прилавках, мундирах парили в воздухе, закладывая немыслимые пируэты. Кувырки через голову. Ножные захваты. Сумасшедшие вращения. Виражи. Спирали... И все это только с опорой на набегающий поток воздуха.

Красиво — не то слово. Смертельно завораживающе — самое близкое.

А после, когда до земли осталось ровно столько же, сколько до драконов, с которых эта шестерка и сиганула, — арканы. Боевые атакующие заклинания. Сражение в небе, когда ликвидировать противника едва ли не важнее, чем успеть активировать приземляющее заклинание.

Я засмотрелась, забыв, куда шла. В небе творилось что-то невероятное: маги сражались, уворачивались, перехватывали друг друга, и все это в свободном падении, когда каждая секунда приближает тебя к земле со скоростью падающего камня.

Они уже активировали чары торможения. У каждого под ногами вспухали купола воздуха, гасящие скорость. Еще немного — и приземлятся.

И вдруг одна фигура — хрупкая, женская, с рыжим хвостом — дернулась.

Ее тормозной амулет не сработал. Руки дернулись. Удалили еще раз в грудь. Туда, где был артефакт. Тот самый, который вешал адептке на грудь Беглый.

Бесполезно. Женская фигура камнем полетела вниз.

Воздух разорвал чей-то крик. Сверху, следом за ней, метнулась темная фигура — широкоплечая, стремительная. Она настигла рыжую у самой земли, когда до удара оставались два десятка локтей, и хлестнула воздушным арканом, обвивая ее талию. Рывок — и падение смягчилось, но не исчезло.

Они врезались в песок арены. Удар вышел глухим, страшным. Я не могла со своего места услышать, как хрустнули кости рыжей. Но воображение, собака такая, дополнило все, чего лишило расстояние.

В мозгу раздался звук, будто разом сломалась сотня веток.

Толпа зрителей, точно волна, в первый миг отхлынула. А в следующий — к месту падения уже бежали люди в форме целителей, кто-то с носилками, кто-то с артефактами.

А я стояла на лестнице, вцепившись в перила, и смотрела.

Ноги сами было дернулись — сделать шаг, побежать, помочь. Руки так и зазудели толкнуть кого-то локтями, прорваться. И все это ради того, чтобы увидеть, жива ли, под-

собрать...

Но я одернула себя. Риса, ты кто? Целительница? Сердобольная тетка с базара, что готова отдать последний динар на лечение чужого мальчика? Нет. Ты родом из гильдии. У тебя своя шкура на кону, а если сейчас влезешь, можешь засветиться. И вообще: меньше мелькаешь — крепче спишь. Ио бы сказал: «Своя рубашка ближе к телу, а чужая — только если с мертвого снять и забрать».

Я заставила себя разжать пальцы, что стиснули перила. Сделала вдох. Выдох.

Спасателей и так много. Ни к чему еще и воровка среди них. Справятся и так. Вон, подняли, понесли. Жива, кажется, шевелится. Ногой вон, дернула.

Я отвернулась и сделала последний шаг по лестнице. А на душе все равно было фигово. И даже мысль о том, что в этом мире каждый сам за себя, а боги — за того, кто позабавнее, не утешала.

В таком раздрае я и добралась до общежития. Оно встретило меня запахом сырой штукатурки, щелока, которым порой намывали полы в лекарственных, казенщиной и неожиданно — качкавала. Этот острый овечий сыр с его ядреным духом мог отбить нос любой ищейке, за что был уважаем в родной гильдии. И сейчас, уловив этот дух, я словно стала с этим местом чуточку ближе.

Да и комендантша, госпожа Милада Батори — кубатуристая тетка с явной примесью орочей крови и косой толщиной

в руку, встретила меня как родную дочь. Только непутевую и пропащую. Меня от души обворчали, настращали и только отеческим подзатыльником не приласкали.

А все оттого, что у кого-то и так дел невпроворот и без переводной из провинциальной академии пигалицы. Здесь королевские безопасники шныряют, через седмицу гости на турнир съезжаться начнут — для них комнаты на верхнем этаже намыты-приготовлены уже, а местные адепки с того выдворены и в проживании уплотнены. А тут я вся такая нарисовалась, как непотребное слово на только что выбеленной стене.

Все это на меня вывалили, пока госпожа Милада водила толстым пальцем по страницам амбарной книги, прикидывая, куда бы меня определить.

Глядя на это, я как бы невзначай спросила, не было ли еще каких подселенок недавно?

— Типун те на язык, — с чувством выдохнула комендантша, давая понять: ей и одной меня хватит, чтобы голову поломать, куда втиснуть.

Я же про себя отметила, что мои конкурентки либо не прибыли, либо я единственная дама, либо искать стоит не среди адепток. Но в любом случае в общежитии относительно безопасно. Впрочем, расслабляться не стоило: кажется, кто-то из воров взялся за дело и решил устранить участника команды. Не иначе, чтобы занять место вылетевшего. Вернее, разбившейся. В том, что с рыжей произошел несчастный

случай, я не поверила ни на миг.

— Триста седьмая, — меж тем буркнула комендантша, кивая в сторону лестницы. — Соседка у тебя — Славика Варга. Девка нраву крутого, огненного. С ней никто ужиться не может. Приложит — не встанешь.

— Заклинанием приложит? — уточнила я, прикидывая, хватит ли ловкости или стоит еще и амулетом озаботиться. Кто этих боевых магов знает...

Комендантша прошлась по моей тощей фигуре и вынесла вердикт:

— С тебя и крепкого словца хватит, чтоб ложкой холодца стала из девки.

Слова улетели в высокий поток небольшой комнатки, точно пророчество в небеса, и сверху на нас снизошел кусок штукатурки. Правда, не сам по себе. Перед этим сверху кто-то хорошенько так топнул. Или упал... Или кого-то убили. Причем очень по-дилетантски.

— У-у-ух, ну получит у меня эта паразитка! — выдохнула комендантша, глянув на потолок, и погрозила тому внушительным кулаком. — Опять за свое.

Впрочем, кто это именно и за что она сызнова взялась, я так и не узнала, а вот в правила общежития госпожа Милада посвятила меня охотно:

— Парней не водить, рагию не пить, комнату в чистоте держать, а язык — на привязи. Все ясно?

Инструктаж оказался вопиюще коротким. А после него

мне был выдан отпирющий комнату амулет, мои бумаги и суровое напутствие:

— Смотри не балуй у меня...

С этим добром я и отправилась искать номер триста семь.

Комната оказалась маленькой, но чистой. Две кровати, два шкафа, стол у окна. На одной постели уже лежали чьи-то вещи, но соседки самой не было. Скорее всего, на занятиях.

Я кинула свою сумку на свободную половину и выдохнула.

Сделано. Поселилась.

Оставалось последнее на сегодня — зайти на факультет, отметить у куратора, получить расписание и как следует присмотреться. И к академии, и к ее обитателям.

Этим я и занялась по пути к корпусу, в котором обучали будущих снабженцев.

В отличие от центрального здания академии, раскинувшего два свои крыла на запад и восток и давшего крышу боевикам, это строение выглядело куда скромнее. Три этажа, двадцать окон вдоль и три с торца — вот и все.

Внутри пахло бумагой, чернилами и смертной скукой, от которой челюсти так и норовили сами по себе сделать предательский зевок. Куратор, сухонький старичок с трясущимися, профнепригодными даже для вора самого низкого пошиба руками, монотонно и долго объяснял мне правила. Причем делал это так нудно, что мог бы усыпить даже восставшее из могилы умертвие. Причем одним лишь голосом. Без

магии.

После мне вручили брошюрку со всем озвученным, а еще список тем для сдачи в ближайшую седмицу по тем предметам, которых в моей «прежней академии» не преподавали.

К листам, что я уже держала к этому моменту в руке, добавился еще один с расписанием и... целая стопка бумаг, без ознакомления с которыми, по мнению куратора, мне и шагу ступить было нельзя.

Засим мне велели явиться завтра к восьми на занятие уже в форме образца номер семь дробь бис для боевой академии.

Лишь когда я вежливо распрощалась со старичком, вышла из кабинета и заглянула в формуляр, то выяснила, что упомянутая форма — это мундир и брюки (девушкам небоевого факультета позволялась длинная юбка), а «бис» означало маркировку формы — зеленая.

Вот нельзя было просто это же самое сказать? Без крючкотворства. Но, видимо, последнее было у снабженцев в крови.

Покончив с обязательной учебной программой на сегодня, я решила перейти к вольной разведывательной и для начала подыскать здесь место, где бы можно было уединиться. На настоящее логово рассчитывать не приходилось, но хотя бы закуточек... Не хранить же все отмычки, яды и прочую запрещенку под кроватью в комнате, где еще неизвестно, сколь любопытная досталась соседка...

Я направилась прочь от учебных корпусов в сторону прачечных и складов. И как раз миновала угол одного из зда-

ний, как вдруг чья-то рука выдернула меня с дороги и вжала в стену.

Попыталась дернуться, но хватка оказалась железной. Мужской локоть уперся мне в горло, не давая сделать вдох.

Я ощутила себя точно упырь в домовине, над которым каменным надгробием навис вчерашний знакомец.

— Тебя нормально с девушками общаться не учили? Почему разговор ты начинаешь либо с попытки зарезать, либо придушить? — просипела я, прикинув, что врезать в ответ всегда успею. А вот выведать информацию — не факт.

Охотнее же всего люди и нелюди ею делятся, если считают, что контролируют ситуацию, противника, а в данном случае — еще и дыхание. Ведь брюнет держал руку не только на пульсе событий, но и на моем собственном.

Это напрягало. Но лишь слегка.

— Меня учили, что с убийцами не стоит разговаривать вовсе, — выдохнул он мне в лицо. Голос тихий, злой и такой холодный, что на миг почудилось: на дворе не жаркий рой месяц, а студень с его метелями. — На кого работаешь?

— На папу в лавке, — просипела я, постаравшись, чтобы голос звучал удивленно и искренне. С учетом того, что воздуха в груди почти не осталось, а горло сдавили — задача оказалась не из простых. Но я справилась! Брюнет, не ожидавший такого ответа, а главное — моей реакции, почти незаметно дернулся. Но так, что локоть его на дюйм отодвинулся и я смогла сделать судорожный вдох. Сделав тот, я тот-

час затараторила: — У нашей семьи галантерейное дело: булавки, иголки, нитки, пуговицы, гребни, заколки...

— Ты ври, да не завирайся, — остудил мой пыл Беглый. Его глаза — светлые, холодные — буравили меня насквозь. — Вчера ты не убила меня лишь потому, что я приставил тебе нож под ребра? А сегодня решила действовать тоньше и сломала мой тормозной амulet.

Та-а-к, не иначе, этот Беглый гильдии попутал? Сопоставил падение напарницы и мой лик в толпе, который увидел перед этим, и решил, что я — убийца? Так меня давно не оскорбляли. Хуже было бы, если бы принял за монашку разве что!

— Знаешь, если бы я и вправду хотела тебя прикончить — ты был бы уже точно мертвее всех мертвых, — протянула я.

Мужские брови нахмурились. Пришлось мило пояснить: — Дернешься — и игла проткнет твою сонную артерию. И я не поручусь, что она чистая. Может, обронила ее куда в пыль, в труп не первой свежести или в яд... Будешь проверять?

Кернир замер. В его глазах мелькнуло что-то странное. Не страх. Удивление? Интерес?

— Значит, дочка галантерейщика... — протянул брюнет, кажется, ничуть не испугавшись. И это был дурной знак. Обычно люди все же дорожили своей жизнью как-то поболее. Да и во вчерашнем забеге от ребят из гильдии убийц этот тип что-то не остановился ни разу, чтобы их учтиво подо-

ждать... Так сегодня чего не переживает? А яд, между прочим, на игле отменный. Парализует вмиг! А чернявый меж тем поинтересовался почти светски: — И ты мне сейчас свои товары демонстрируешь?

Нет! Нельзя иронизировать со столь серьезным выражением лица! Это законодательно запретить нужно! Потому что у меня чуть рука с иглой не дрогнула, когда услышала конец фразы.

Кольни я этого типа, потом придется его немалую тушу до кустов таскать. А ближайшие приличные заросли, между прочим, в каких не стыдно прятать кого-то побольше хомяка, — в трех десятках шагов!

— Вообще-то, я демонстрирую несостоятельность твоей теории, — отчеканила, глядя в пепельно-серые глаза с хищным прищуром. — И с чего ты решил, что мне сдался хоть живым, хоть трупом?

— Я увидел тебя в толпе. Вспомнил вчерашнюю погоню. Но решил было, что просто обознался. Мало ли невысоких белобрых девич в академии? Но когда Марика перепутала в шкатулке тормозящие амулеты и взяла предназначавшийся мне, а после едва не разбилась... Согласись, слишком много совпадений. И я в них не верю.

— Я тоже. Но тем удивительнее, когда они все же происходят, — выдохнула, ощутив, как начинает затекать шея из-за того, что голову пришлось держать чуть запрокинутой. Нет, все же смотреть в глаза противнику гордо и независимо

— сомнительное удовольствие. Куда лучше на поверженно-го врага сверху вниз.

От этой мысли так соблазнительно стало чуть надавить на иглу и... плевать, что волочь потом придется! Хотя Кернир с таким же успехом мог надавить локтем и мне на горло... сила в Беглом чувствовалась немалая. И сломать хрящи он мог на раз.

Мы так и замерли на один пронзительно долгий миг. Пытаясь через взгляд увидеть мысли, предугадать действия друг друга.

Воздух вокруг словно загустел, налился напряжением, как предгрозовое небо свинцом. Я ощутила мужское дыхание на своем лице — холодное, ровное, совсем не сбившееся, хотя он только что прижимал меня к стене с такой силой, что хотел выбить мной каменную кладку.

У меня же сердце в груди колотилось так, будто я пробежала через всю столицу и обратно. Пальцы, сжимавшие иглу, чуть подрагивали — не от страха, нет. От того самого напряжения, которое возникает, когда стоишь на краю крыши и смотришь вниз, на пустоту под тобой.

Беглый ничуть не боялся. Это бесило. Это заводило.

Я чувствовала запах его кожи — горьковатого вереска, беленого льна и снега, и где-то в животе завязывался тугой узел. Так пахнет опасность. Так пахнет безжалостный север. Так пахнет месть.

Мы с Беглым смотрели друг на друга, и между нами топо-

ром палача висела тишина. Злая, острая, та, что проверяет нервы на прочность, а сталь клинка — на крепость.

Я не дрогнула.

И Кернир — тоже.

А затем он вдруг ослабил хватку, а потом и вовсе опустил руку. Освободил меня, но сам остался рядом — достаточно близко, чтобы я чувствовала жар его тела и холод взгляда.

— Допустим, я принял твои доводы, — сказал Беглый хрипло. Голос его отозвался где-то глубоко внутри меня, прошел позвоночник от макушки до того места, где благородная спина превращается в вульгарную задницу. — Может, мне и стоило сначала остыть, а не действовать по принципу: хватай, пока не ушла, а потом разбирайся...

Я слушала это и старалась изо всех сил сдержать ухмылку. Ибо нечасто, ой нечасто мне доводилось слышать мужские извинения. Признать себя неправым в мире, где нормой было считать, что всегда и во всем виновата женщина, — редкость.

А Беглый это умел. И мало того — практиковал.

— Ну твой принцип оказался верен: ты разобрался и выяснил, что я не намерена тебя убить...

— Только обчистить, — хмыкнул Кернир и добавил: — Мой второй кошелек тоже уже у тебя?

Как он узнал? Я же даже не задумывалась, что творит моя свободная рука... От этих мыслей, промчавшихся в моей голове, вторая ладонь, та, что держала иглу, дернулась и...

«Твою налево, Риса!» — только и успела промелькнуть мысль. А за ней — и мужское тело. Причем прямиком на меня!

Глава 5

Нет, конечно, каждая девушка раз в жизни да мечтала, чтобы мужчины падали к ее ногам. Но не так же буквально-то?! Да и вообще, бессознательное состояние — женская прерогатива. Когда ты — бах — отошла в обморок на перерыв в разговоре, и тебя на руках несут... Главное, падать телом (но не духом!) в правильных местах.

Вот Беглый, не иначе, был в курсе этого правила лишения сознания и спикировал очень верно. Я едва успела подставить плечо и сделать шаг назад, чтоб красиво не завалиться по всем канонам любовных баллад. Когда герой сверху, дева внизу, и он роняет ее в высокие травы затылком об землю.

В моем случае, к слову, внизу ничего не зеленело. Только каменело. Брусчаткой. И расшибить об нее голову не хотелось. Себе — особенно.

Кернир оказался тяжеленным, зараза. Даром что подтянутый. Видимо, одни мышцы, кости и наглость. А это добро весит куда поболее жирка. Да и роста Беглый был немало. Так что «счастья» мне привалило с мужской тушей изрядно.

Эх, верно говорят, что не так тяжело поймать мужика, как его потом в нужное место затащить. Правда, в основном имеют в виду алтарь, храм и брачную церемонию, а не кусты, но с моим ремеслом вообще тяжело соблюдать каноны, так что...

Запыхтела, пытаясь перехватить Кернира поудобнее, когда мужская голова мотнулась, ткнулась носом мне куда-то в район ключицы. Я на миг замерла, чувствуя, как щекочет кожу дыхание Беглого. Ровное, глубокое. Спит, паразит.

— И почему такой большой мужик — а правил этикета не знает? — пропыхтела я в чернявую макушку. — Нельзя же пугать девушек вопросами финансов!

Зря все же Беглый положился на мою выдержку. Очень зря. В общем, сам виноват. Хоть проколы (и в контроле своих рефлексов, и чужой шеи) — оба мои, но я решила, что раз рядом есть широкие мужские плечи, почему бы на них за все и не переложить ответственность?

Меж тем кусты становились все ближе. Благо вокруг не было ни души, а то я бы уже давно спалилась, как ведьма на костре.

Заросли, в которые я таки утянула брюнета, оказались просто шикарными — густыми, колючими. В таких хоть труп прячь, хоть разврат устраивай, хоть демона из пекла вызывай! Боярышник с кизилом кололись на совесть, одними своими шипами отпугивая любопытствующих.

Затащила Кернира в самую глубину, уложила на бок (вдруг как очнется — тошнить от отравы начнет) и накидала сверху веток. Вышла этакая импровизация медведя в берлоге. А что — как раз весна на дворе. Очнется Кернир, точно бурый от спячки, взревет дурниной и пошатается прочь.

Главное, мне в этот момент быть отсюда подальше. Но

это потом. А пока я стояла над Беглым, рассматривая это чудо природы. Даже в отключке, с закрытыми глазами, с разметавшимися по листьям темными волосами, он выглядел опасным. Ни разу не смазливый красавчик. Скорее только-только вошедший в полную силу, но не успевший заматереть зверь. Было все же, несмотря на некоторую неправильность, исключительно мужскую грубоватость черт, в лице Кернира что-то такое притягательное.

— Сладких снов, Беглый, — шепнула я. — Паралич к утру пройдет. Если нет... ну, извиняй.

И нырнула обратно в заросли, чтобы вернуться на свой истинный воровской путь, с которого меня так внезапно сдернули.

Выйдя из кустов, оправила юбку, поправила ремень сумки, которая разбухла после всех выданных куратором бумаг, отцепила от волос застрявшую в них веточку и гордо и независимо двинулась дальше.

Миновала постирочные, сушильни и уперлась в продовольственный склад, на двери которого висел внушительный амбарный замок и поверх — еще более впечатляющее заклинание.

То, что нужно! Место, которое выглядит неприступным, а значит, и охотников проникнуть в него будет в разы меньше. Это не какой-нибудь пыльный чердак, доступ к которому есть у любого вшивого адепта. И следовательно, дабы посидеть в таком укромном месте со своей девушкой, любуюсь

через слуховое окно звездным весенним небом и предаваясь утехам, парню нужно очередь из таких же романтиков занимать едва ли не по осени.

Потому что мест уединенных мало, а любви хотят все!

То ли дело продуктовый склад. Он одними своими дубовыми дверями и внушительным замком все мысли о возвышенном сводит на нет. Так что я ухмыльнулась, размяла пальцы и достала из баула отмычку.

Правда, взлом охранных чар заставил попотеть. Такое ощущение, что заклинание накладывал лично ректор и сбережь оно должно было не окорока от голодных магиков, а минимум королевский зад от армии наемников.

Зато замок открылся за пару ударов сердца. Я лишь подкинула на ладони отмычку, убирая ее на место. Вот почему все считают, что чем больше запор, тем он надежнее, когда все ровно с точностью до наоборот. Попробуй шпилькой попасть в игольное ушко. А в ухо волю? Второе всяко легче.

Впрочем, об этом я подумала, уже очутившись внутри и притворив за собой дверь.

Меня сразу же окружил сумрак. На крюках под потолком темнели ряды прошутто — целые свиные окорока, вяленные до рубиновой темноты, с белыми прожилками жира, от которых у любого слюни потекут. Рядом висели колбасы, тугие, натертые паприкой. Чесночный дух от них щипал ноздри так, что в животе аж заурчало.

Вдоль стены шли полки. На тех высились глиняные горш-

ки с каймаком. Я заглянула в один, где под золотистой корочкой спряталась нежная сливочная масса. М-м-м. Рядом теснились банки с айваром, мешки с сушеными сливами, связки лука и чеснока, пучки чабреца под самым потолком.

В углу стояли бочки с туршией, подле них — корчаги, от которых пахло квашеной капустой и укропом. А у самой дальней от входа стены — мешки с фасолью. Что ж... уютный кабинетик для работы. И главное — вкусный.

Теперь главное — сделать в него лаз. Не каждый же раз охранные чары взламывать. С такими мыслями я и обошла склад по кругу. Но, как назло, ни одного приличного оконца: все отверстия с ладонь или две размером! Да и стены — каменные. В таких лаз замучаешься делать. А вот вытяжная труба, чтобы плесень не завелась, была. И широкая!

Я ухмыльнулась...

На то, чтобы проделать червоточину в охранных чарах, у меня ушел удар колокола, не меньше. Потом еще столько же времени, чтобы приладить веревку с мусингами к трубе, чтобы можно было спуститься с крыши, не разбившись об пол. Спрятать все это добро так, чтобы конец не свисал, а лежал на одной из потолочных балок.

Ну а потом — уже с крыши кладовой перекинуть канат на соседнюю. Ибо допрыгнуть до черепицы склада был не вариант. Он стоял наособицу.

Правда, пришлось замаскировать веревку чарами. Благо удалось вплести те в охранный контур, так что маскирующее

заклинание в теле академии стало не чуждой занозой, а родной бородавкой, частью общей системы безопасности. Посему обнаружить мой проход не должны.

Ночью и опробую этот новый ход. А пока — в столовую. Ибо хоть склад был и внушительным, но взять оттуда можно было разве что горсть сушеных слив из мешка или моченое яблоко, чтоб никто не заметил убыль. Наверняка и окорока, и кринки, и полумесяцы копченых колбас наперечет. А сосисок, как назло, не было!

Привлекать же лишнее внимание к своему схрону мелкой пропажей не хотелось. К тому же за еду в академии уже уплачено. А спускать деньги просто так я не привыкла. Посему из принципа (и легкого голода) отправилась пробовать, чем в итоге кормят здешних адептов. Ибо содержимое кладовой обнадеживало.

А вот тарелки — разочаровали совершенно! Где сочащаяся маслом плескавица с луком и хлебом, где чевапчичи с дурманящим запахом жареного мяса. Да хотя бы отбивная? Где? Вместо всего этого на меня смотрела унылая фасоль, посыпанная петрушкой, и пресная лепешка. М-да... воры в академии точно есть и помимо меня. Причем съестные. И они не просто адептам не докладывают мяса, они его вовсе не доносят!

С такими мыслями я отошла с подносом от раздачи и уселась за пустой стол. Зачерпнула фасоль, вздохнула, взгрустнула и принялась за еду. Та, к слову, оказалась не столь от-

вратной на вкус, как обещала на вид. Я даже шкварки нашла. И перцу было в меру. Так что поваров после кружки сладкой бозы с легкой кислинкой решила все же реабилитировать. Но частично. Все же хоть мяса в закромах академии и прилично, но голодных адептких ртов в разы больше.

Перекусив, отправилась в город. За формой номер семь дробь бис зеленого цвета и иными, необходимыми всякой девушке и воровке мелочами. А последних был целый сундук.

Вернуться я планировала до заката, пока туда-сюда снует уйма адептов, чтобы не привлекать лишнего внимания и не вызывать новых вопросов у привратника. Хотя, как я выяснила, вход в академию, в отличие от общежитского, с наступлением ночи наглухо не закрывался, но охранник бдел. А мне чужая усиленная внимательность ни к чему.

Так что я поспешила сначала в лавку готовой форменной одежды, а после — и в Кружевной район.

Дом встретил меня тишиной и прохладой, несмотря на знойный день, клонившийся уже к закату. Я быстро собрала вещи: смену белья, две дюжины артефактов, которые могли пригодиться, заговоренный ломик (он не раз выручал, когда заклинания были бессильны), кошки с запасом веревок, ибо та парочка, что захватила с утра, была уже пристроена к делу, маскировочные сети и бур! Последний — на всякий случай. Мало ли... А тринадцатиствольный оргАн, столь популярный в маг-артиллерии за свою скорострельность: ни один

боевик не угонится, — и так всегда лежал на дне моего зачарованного сундучка. К слову, на вид тот был чуть побольше большой корзины, с которой хозяйки обычно ходят на рынок. Да и вес за счет заклинания облегчения был подъемным.

Взяв свою поклажу, я вздохнула и отправилась обратно в академию. И всю дорогу, пока шла назад, в голове крутилось одно: Марика.

Рыжая девушка, что упала с дракона. Она сейчас в лазарете. Без сознания или при памяти — неизвестно. Но если кто-то действительно подменил тормозной амулет, если это не случайность, а попытка замены игрока в команде перед самым турниром... Значит, мои конкуренты не только здесь, но и взялись уже за дело.

И хорошо бы узнать, кто они, до того, как меня саму вычислят и попытаются устранить. А в том, что соперники делают это, если я проколюсь, сомнений не было. Я бы и сама так поступила...

Значит, стоит сегодня ночью навестить лазарет. Но сначала — оставить вещи. Рабочие — в кладовой, личные, вроде формы, — в общежитии.

Благо как раз легкая вуаль раннего вечера сменилась тяжелой густой шалью надвигавшейся ночи. Тени вытянулись, потемнели и начали растворяться в чернильных сумерках. В них-то я вновь добралась до облюбованного мной места. Только остановилась не у кладовой, а рядом с небольшой

коптильной.

Крыша той была плоской, односкатной. И к ней я днем так удобно приставила лесенку... Так что взобраться на черепицу труда не составило. Да и веревку, что соединяла две трубы: складскую и коптильни, нащупала быстро. Да, именно так, поскольку маскирующее заклинание было моим лишь частично, то и собственные чары я не видела. Но отлично знала, где должно быть то, что они прячут. Поэтому, едва ощутив веревку, уверенно встала на нее.

Ходить по канату Ио учил нас всех сызмальства. А удобная подошва, не столь мягкая, чтобы ранить ступни, но и не слишком жесткая, чтобы через нее совсем не чувствовать стропы, помогла в этой прогулке на высоте.

Правда, пришлось достать из сундука узелок, чтобы слегка уравновесить руки. Вот так, балансируя, я добралась до склада, а после — занырнула в трубу и оказалась на потолочной балке. Та, к слову, была широкой и вполне удобной. И я решила: почему бы пока не оставить вещи на ней, не спуская на пол? Достала из сундука все, что могло понадобиться для ночного визита в лазарет, и задвинула свой ларь в самый темный угол, так что снизу и не разглядеть, что там в сумраке под потолком. А света здесь и днем было шиш да маленько.

А после и выбралась наружу, скинула узелок и сумку на землю, шустрой белкой пробежала по канату обратно и, приведя себя в порядок, отправилась наконец в общежитие, еще не подозревая, что в комнате меня ждут неприятности по-

соседски...

Выглядели эти самые неприятности, как рослая девица. Та сидела на моей кровати, скрестив ноги, и сосредоточенно чистила кинжал. Длинные темные волосы, стянутые в низкий хвост, скуластое лицо с глубокими тенями под глазами, тонкий шрам на щеке, который она явно не пыталась скрыть или свести магией. Мундир на ней (красный, к слову, боевого факультета) был расстегнут, рукава закатаны до локтей, открывая руки, покрытые сеткой мелких шрамов.

Адептка подняла на меня глаза. Светлые, почти прозрачные, с тяжелым, немигающим взглядом человека, который привык оценивать противника за секунду.

— Эйрис? — спросила она низковатым, чуть хриплым голосом. — Я Славика. Комендантша сказала, что подселила ко мне новенькую.

Сказано это было в духе: год учебный на исходе — штаны стерлися, не ждала уже соседок — ты приперлася. Но я предпочла сделать вид, что не заметила намека. Как говаривал Ио, вежливость порой открывает те замки, об которые поломались все отмычки. Вот и я постаралась сейчас быть тактичной.

— Госпожа Милада сказала, что других мест больше нет. — Я поставила сумку с котомкой на пол, закрыла дверь и поинтересовалась: — А почему ты на моей кровати?

— Удобнее свет падает. — Славика провела точильным камнем по лезвию, и этот звук резанул по нервам. — И я

хотела с тобой поговорить до того, как ляжешь спать.

— О чем?

Боевичка отложила кинжал и посмотрела на меня в упор. Взгляд у нее был... странный. Не злой, не агрессивный, а какой-то слишком уж прямой. Так смотрят на врага, когда идут на него, не надевая шлема, откинув щит.

— Батори еще сказала, что ты по бумагам столичная, и раз так, то лучше тебе все же оставаться дома, а не в общегитии. Или потеснить в здешних комнатах кого, — начала соседка и скупно пояснила: — У меня с магией нелады бывают. Не хотелось бы, чтоб тебя в урне отсюда унесли.

— Это угроза? — Я приподняла бровь. Так, кажется, милой быть не выйдет. Значит, придется собой: когда при взгляде на меня глаз не радуется, а дергается.

— Дружеское предупреждение, — она сказала это спокойно, будто речь шла о погоде.

— Это значит, мы уже стали подругами? — иронично уточнила я.

«Как героями. Посмертно», — одним взглядом отозвалась соседка. Впрочем, вслух сказала иное:

— Ну как сама знаешь, я честно предупредила... — устало выдохнула Славика и с надеждой в голосе поинтересовалась: — Ты хотя бы с боевого, если что?

— Снабжение, — мрачно ответила я.

— Охранных амулетов прикупи тогда. От огня, — посоветовала соседка и одним плавным кошачьим движением пе-

ретекала с моей кровати, встав в полный (и немалый, к слову) рост. Аж залюбовалась. Даже жаль, что не наемная убийца! Жесты и повадки, правда, похожи, но не те, не те... Ребятта из гильдии плащей и кинжалов все же чуть осторожнее. Каждый шаг — словно в обход. А эта — прямая, как полет арбалетного болта. Такая не уклонится, уходя от удара, не попытается кем-то прикрыться.

Как вариант — и про срывы силы не солгала... Тогда почему не запечатали дар? То ли он так ценен, то ли сама девушка... Странно все.

Я смотрела на нее и пыталась понять: врет или нет? Слишком спокойно она об этом говорила. Слишком ровно. Будто не в первый раз повторяла речь.

Славика окинула меня ответным взглядом, в котором читалось: «и за что мне это?», а после произнесла:

— Похоже, ты не из пугливых. Жаль. Было бы проще... — и села на свою кровать, и принялась снова натачивать клинок, повернув настенный магический светильник так, чтобы было удобнее. Но все равно вышло хуже, чем с моей постели.

Я, глядя на это, вздохнула:

— Можешь на моей посидеть пока. Я все равно спать не собираюсь.

— Спасибо, — буркнула соседка, но предложение все же приняла.

Так что раскладывала я свои сорочки по полкам под скрип точила. И морщилась. А еще пыталась прикинуть: кого мне

судьба подкинула?

Судя по шрамам на руках — они получены явно не в уличной драке. Много мелких рубцов. Разного возраста. Резаные, колотые. Похожи на боевые. Я такие не раз видала у бывших вояк. Вот только разве адептов кидают в сражения до выпуска? Разве что случись масштабная война. Но на моем веку такой не было. Так что странно...

Или все же это лишь способ избавиться от чужих глаз и ушей? Может, эта Славика — телохранительница у дочки какого-нибудь аристократа, что здесь учится? Или шпионка короны? Да хотя бы подсадная адептка: агентка, которую загодя тайная канцелярия направила сюда, чтобы обеспечить безопасность турнира?

От этих версий во рту появился полынный привкус. И главное, все как одна ложились и на возраст соседки (та выглядела старше не только меня, но и большинства адепток), и ее шрамы, и мрачные предупреждения...

Мысли все крутились в голове и крутились. И думать их на голодный желудок становилось все невыносимее. Оттого я решила, что отправлюсь на ужин.

В коридоре из-за дверей доносились приглушенные голоса, где-то смеялись девушки, где-то бранились, где-то истово декламировали формулы заклинаний — словно надеялись, что так из академии их выпустят досрочно. За хорошее поведение и прилежную учебу. Одним словом, обычная адептская жизнь. Наверное. За «точно» не ручаюсь, ибо у меня за

плечами была только школа. Воровская. И та научила меня, что, прежде чем что-то сдавать (будь то урок или награбленное — старшему мастеру), хорошо бы как следует подготовиться, узнать пути отхода...

Этим я и занялась: поднялась сначала на верхний этаж общежития (то, что тот был заперт в ожидании иноземных делегаций, которые вот-вот должны прибыть на турнир, меня не смутило), заглянула на чердак, который был так чист, что вызывал подозрения. Приличный должен был пахнуть мышами и пылью, но никак не чистотой. А после начала спуск по этажам, запоминая расположение комнат, запасных выходов, окон, помывочных и туалетов. Последние, к слову, порадовали тем, что отхожие места были с дощатыми перегородками и дверцами. Эти кабинки стояли в рядочек вдоль стены. Но главное то, что самая крайняя из них прилегала как раз к углу здания и в ней обнаружилось небольшое оконце. Причем так было на всех этажах. Вот только на первом красовалась решетка. На втором рама была забита... Не иначе комендантша как могла блюла моральный облик своих подопечных.

Зато на третьем госпожа Батори, видимо, решила, что до такой высоты влюбленные все же не долежут, и оставила все как есть. Так что я распахнула створку, высунулась из проема едва ли не наполовину и осмотрела стену. Кладка той — неровная, с кучей выбоин, меня порадовала. Конечно, с голыми руками даже по таким выемкам меж камнями не за-

лезть. А от ушлых магов с заклинаниями защищал охранный контур, сполохи которого едва заметно пробегали по стене. Но у меня-то были с собой отличные металлические заговоренные когти...

Вдруг из коридора послышались шаркающие шаги. Я втянула тело обратно и спрыгнула на пол, чтобы выйти из кабинки ровно в тот момент, как в уборную вошла гоблинша со шваброй.

Тетка недовольно зыркнула на меня и что-то пробормотала себе под нос в духе «ходят, топчут тут... перебить бы вас всех, так потом опять убирать придется».

К слову, до сего дня я думала, что раз здесь академия, то все должно быть магофицировано. Но и привратник, и повариха, и раздатчица в столовой эту веру пошатнули. А уборщица — и вовсе эту теорию убила. Замочила, как тряпку в ведре. В лучших традициях наемных убийц.

Пока я шла до столовой, размышляла: как же так? И пришла к выводу, что когда сами здания пропитаны столькими охранными, магогасящими и прочими чарами, направленными на то, чтобы юные дарования все вокруг не разнесли, бытовые заклинания просто могут конфликтовать со всей этой системой безопасности. Скажем, активируются чары мытья пола, а их бац — и всосал контур, отвечающий за ликвидацию потопов. А водники их могут устроить на раздва...

Но если в академии есть столько услуги, то и затесаться

можно было среди тех же прачек. Или поваров... В академию сейчас как раз такой потребен, со слов секретаря. Превенний ногу обварил. Не без помощи ли кого из моих коллег по цеху?

Надо бы на новенького взглянуть... Да и просто заглянуть на кухню. Ужин был опять не ахти — тушеная капуста с прикусом надежд на то, что завтра будет мясо.

Зато пока жевала, в голове сложился план. После полуночи загляну в лазарет, навещу расшибившуюся рыжую, выясню, что случилось с амулетом. А заодно — проверю, не очнулся ли Беглый в своих кустах... Как-то не по-светски мы с ним беседу закончили. Надо бы пояснить, что случайно его ткнула, чтобы больше он на меня так не нападал и не преследовал. Пусть ищет своих убийц в другом месте. И, кстати, за что его гильдии заказали? А главное — почему он до сих пор при этом жив?

Впрочем, чужие смерти — дело десятое. Я скромная воровка. И меня это касаться не должно. Мое дело — спереть кубок, и только.

А для этого нужно не выделяться. Делать вид, что ты обычная тихая адептка... К слову, об учебе. Надо бы хотя бы глянуть, что за бумаги мне куратор всучил сегодня.

С такими мыслями и вернулась в комнату. Моя соседка к этому времени уже спала. И даже на своей постели! Дышала ровно, неглубоко. Только световой артефакт не выключила. Я тот развернула и чуть притушила. А после достала из сум-

ки кипу листов и принялась изучать их. Расписание, правила внутреннего распорядка, список литературы, методички... Скука смертная. Я быстро отсортировала: это можно вообще не открывать, это пролистать, чтоб совсем не засыпаться на лекциях, это... Да чтоб тебя!

Монография Милорада Краля. Переписать основные вехи Корифского кризиса. Конспект обязателен к завтрашнему утру, к первому предмету. Вместо конспекта можно сдать только свидетельство о смерти. Ни лекарские справки, ни иные отговорки не принимаются. За невыполнение поднимается вопрос об отчислении.

— И почему в академии надо обязательно учиться... — тоскливо и едва слышно протянула я, глянув на ночь в окне. — Как будто других дел здесь нет.

Но раз куратор выделил этот конспект особо — то, похоже, дело серьезное. А вылететь с треском во второй же день — это будет позор, который дорого мне обойдется! В двенадцать золотых, как минимум! И это — не считая стоимости мундира!

Я побарабанила пальцами по столу.

Библиотека уже закрыта до утра. А до того осталось шесть ударов колокола. Рассветы в рое месяце ранние. А у меня еще куча всего — спать некогда.

Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления... Я выключила светляк на стене и замерла в темноте, прислушиваясь. Тишина.

Пора.

Бесшумно переоделась в любимые темные штаны, черную рубашку, колет, повязала на светлые волосы платок так, что он закрыл не только белобрысую макушку, но и половину лица, перекинула через плечо сумку, которую не рискнула, как и до этого, оставлять в комнате. Только выложила все лишнее и безобидное, навроде кулька с тыквенными семечками. Попрыгала. Ничего не звенело. А после приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Тот был пуст.

Глава 6

В облюбованное еще вечером окно уборной я выскользнула угрем. Железные когти, едва их надела, тотчас вросли в мои пальцы — и теперь средний и безымянный на обеих руках превратились в изогнутые лезвия, заговоренные так, чтобы надежно впиться даже в малую расщелину меж камнями и при этом не потревожить охранку.

Вот и сейчас был едва слышен тихий скрежет. Шыр-шыр-шыр... Тело работало само, руки и ноги помнили сотни таких спусков и подъемов. А я медленно двигалась вниз по стене, сливаясь с ней в темноте.

Ночь дышала в лицо свежестью, смешанной с одуряющим ароматом жасмина и сирени. Где-то далеко, за стенами академии, ухал филин. Ему вторил сверчок, настырный, как кредитор, выбивающий долги.

Небо над академией сегодня висело низкое, тяжелое от звезд. Их было так много, что казалось: кто-то рассыпал над столицей мешок серебряных монет да так и не собрал.

Тряхнула головой. Хватит лирики. Риса, ближе к делу и к покалеченному после приземления телу. Разбившаяся рыженькая сама себя не допросит.

Спрыгнула на землю беззвучно, точно тень. Сняла когти, спрятала в сумку и прислушалась. Тишина. Только филин все ухал, будто доносчик.

Глянула на дерево, с которого доносился звук, и выразительно провела ладонью по шее, показав, что бывает с фискалами и ябедами.

Пернатый подавился своим «угу» и заглох. Понятливый.

Я же двинулась к лазарету, который находился в глубине парка, отдельно от других корпусов. Оно и понятно: чтобы заразное не разносилось, чтобы раненым не мешали поправляться более здоровые и активные, чтобы тащить со всех факультетов болезных было одинаково по расстоянию, или просто здание лечебницы оказалось едва ли не старше самой академии. Для меня причины были не столь важны. Куда больше интересовало другое: заперта ли дверь в эту здравницу?

Я приоткрыла створку, перехватила дежурный колокольчик. Тот должен был оповестить, если кто-то прибежит в приемный покой. В том, к слову, обнаружилась и конторка, за которой клевал носом парень.

Он, конечно, и без меня справился бы, но сонная пыль надежнее... так что, пригибаясь, проскользнула, прижавшись спиной к стенке стола так, что почти над моей головой теперь было слышно мужское сопение.

Выудила пакетик с пылью из сумки, тихо надорвала его и, высыпав на ладонь содержимое, дунула, сама затаив дыхание.

Спустя дюжину ударов сердца сопение превратилось в молодецкий храп, и я выпрямилась и двинулась по коридору.

Нос защекотало от запаха — резкого, с кислинкой. Тянуло разом: чем-то травяным, дезинфицирующим и сладковато-металлическим. Дежурно горели ночники — тусклые магические огни вдоль стен. Я двигалась меж них, осматривая двери.

Первая — хозяйственная. Вторая — тоже. Третья...

Здесь, в нише, висели хламиды. Лекарские балахоны, светло-зеленые, крахмальные, пахнущие щелоком. Я стянула с крюка один, накинула поверх своей черной одежды. Стянула с лица платок, повязала косынку, как у сестер-целительниц.

В соседней комнате раздобыла корзину с перевязочным материалом, пузырьками, парой амулетов. Под них, точно покойника под крышку гроба, положила свою сумку. И, подхватив ручку плетенки, уже уверенно отправилась на поиски поломанной адепки.

Список пациентов висел на стене возле сестринской. Деревянная дощечка с меловыми записями.

Как там назвал свою напарницу беглый? Кажется, Марика. Ну-с, посмотрим... Я пробежала глазами:

Марик оказалось аж целых три. И почему у рыженькой не какое-нибудь экзотическое имя, типа Нарсивинирезы? Эх, придется проверить всех. Правда, заглянув в первые две палаты, поняла — это не мои клиентки. Одна не подходила по габаритам, вторая — по масти.

Наконец добралась до палаты, в которой должна была ле-

жать некая Марика Жупанич. И точно! Там была моя рыженькая. Причем ее даже будить не нужно было.

Адептка лежала и невидяще таращилась в потолок, постанывая.

Медные волосы разметались по подушке, лицо бледное, под глазами синева, губы закушены едва не до крови, зрачки расширенные, пальцы на целой руке — вторая была в лубке — стискивают простыню... Похоже, что обезболивающее либо закончилось, либо перестало брать... Но живая. Дышит. Глаза открыты.

— Ты как, поломанная? — по-доброму спросила я, ставя корзину на тумбочку. — Я тут тебя проверить пришла. Так как ты?

Марика слабо улыбнулась.

— Не спится. Все болит.

— Потерпи, до выпускного заживет. — Я присела на край кровати, делая вид, что проверяю работу восстанавливающих амулетов. Ну точно. Тот, который должен был блокировать боль, вышел из строя. Да, в лекарском деле я понимала не так много: от красной хвори или сердечного приступа не исцелю, но в травмах кое-что смыслила. Особенно в вывихах, переломах, ушибах... С ними по работе часто приходилось иметь дело, как и лечить. И не только заклинаниями, но зельями, амулетами. Так что в последнем, том, что лежал на девичьей груди сейчас, поправить силовой контур труда не составило. А после уточнила: — Так лучше?

— Да-а-а, — с облегчением простонала Марика, да так, что посрамила этим выдохом всех работниц квартала удовольствий.

А я же, воспользовавшись моментом, достала заготовленный заранее бутылек и, чуть приподняв голову рыженькой, поднесла горлышко фиала к девичьим губам со словами:

— Выпей, чтобы задремать легче было...

Ведь испокон веков известно: чистая совесть — залог крепкого сна! А чтобы ее отбелить, нужно лишь все рассказать... Так что эликсир правды тоже поможет Марике закемарить. После того как я выясню от нее все, что нужно.

Едва боевичка проглотила жидкость, как я, словно невзначай, поинтересовалась:

— А что вообще с тобой случилось-то? Амулет отказал? Боевичка мигом погрузнела.

— Не отказал. Его плетение в одном месте истончилось. Дознаватель приходил, сказал — видимо, в прошлый раз разрядился в ноль. А я торопилась. И так из-за нас тренировку задержали: коробку с тормозными амулетами для команды захватили, а там только четыре вместо шести. Бранко — он помогает нам с тренировками — сбегал за запасными, принес ларец. А я не глядя и схватила из него тот артефакт, который ближе, и тут же активировала. Плетение по всему телу разошлось. Только потом поняла, что он на мужской вес рассчитан. Но было уже поздно. Кернир только рукой махнул, сказал, что с моим справится... Ну а когда мы прыгнули

и я попыталась погасить тормозной купол под собой, он не раскрылся... А теперь я не только поломалась, но и не факт, что вообще магом останусь...

Марика говорила вздохнув, и со словами из нее выходила боль. Не телесная. Душевная. А с ней — и страх. Тот, который боевику должен быть неведом, но все равно есть. Как и в любом человеке.

А я пыталась проанализировать услышанное: что ж, кажется, теперь я чуточку лучше понимаю Беглого с его паранойей. Похоже, выбить пытались именно его. А рыженькая лишь попала под раздачу.

Хм... Если так, то, может, все же это работа не другого вора, а ребят из гильдии убийц, которые все никак не могут прикончить живучего Беглого? И мне не о чем пока беспокоиться?

Увы, вопросов стало ничуть не меньше, чем было. А я-то надеялась хоть что-то прояснить.

Нет, все же в этом плане с учебой проще. Там на все вопросы в параграфах учебников уже есть ответы. Сиди, скачивай с книги. Только ту еще сначала спереть из библиотеки надо бы. Но за этим дело не станет.

Только сначала, как приличная девушка, загляну к парню в кусты. С такими мыслями я покинула палату, когда Марика заснула. Произошло это, кстати, быстро. Выговорившись, боевичка почти тут же отрубилась под действием эликсира и обезболивающего амулета.

Но не успела я отойти от двери, как слышала шаги. Судя по звукам, сюда из-за поворота вот-вот должны были вырваться двое. У одного походка была тяжелая, явно мужская. Можно предположить по едва заметному шарканью через раз — есть легкая хромота. Вторая — явно дама — цокала каблуками, но не сильно. Похоже, те были широкими, а туфли наверняка удобными.

И как назло, рядом только дверь в палату Марики, которую поместили в конце коридора. А эти двое к рыженькой, похоже, и направлялись...

Ноги и руки заработали едва ли не быстрее, чем голова. Я уперлась подметками и ладонями в противоположные стены и мигом забралась под потолок, зависнув этакой аркой в полумраке. Благо того было вдосталь от едва-едва работавших светильников.

Тут из-за поворота показалась парочка. Первый — высокий, уже в годах, белый как лунь, господин в мундире и рядом с ним в зеленой хламиде — дама.

— Мне сообщили про Марику, когда я был в Бровисе. Как она? — разнесся по коридору спокойный ровный голос. Слишком спокойный, чтобы я поверила такому тону.

Обычно так тщательно контролируют эмоции, не пропуская ни одной наружу, когда внутри человека взрываются вулканы и бушуют шторма. Да такие, что только тронь — и они вырвутся наружу, а тех, кто окажется рядом, снесут ненароком прямо в могилы.

— Хэрцег Тейват, состояние вашей дочери уже стабильное. Опасности для жизни нет

— А для ее дара?

— Здесь немного сложнее... — честно ответила целительница и взялась за ручку двери. — Она едва не выгорела. Нужно время для восстановления.

— Сколько? — уточнил седой.

— Не меньше месяца, — глядя прямо в глаза ночному гостю, отозвалась целительница.

Голос этой уже немолодой, кругленькой, точно шарик, женщины звучал твердо и ровно. Не хуже, чем у хэрцега. А ведь нужно немалое мужество, чтобы вот так смотреть в глаза отцу, говоря ему о том, что случилось с его ребенком. А если этот отец еще и обличен немалой властью... А о наличии таковой говорил титул, который упомянула лекарь.

— Значит, о турнире магии моей дочери можно забыть, — вынес вердикт седой.

— Увы, да, — прозвучал усталый женский голос в ответ.

— И кто будет вместо нее? — еще один вопрос от отца, заданный вроде бы без умысла. Но что-то мне подсказывало: этот хэрцег ни о чем не спрашивает просто так. Не иначе, как и Беглый, решил, что за случившимся кто-то стоит. Может, у Тейвата тоже есть враги и он решит начать свое расследование? Хотя лучше бы нет. Только частных нюхачей мне здесь для полного счастья не хватало. Академия не безразмерная! В ней и так, кроме адептов и преподавателей, народу целая

куча: безопасники, воры, убийцы, возможно, телохранительница (моя соседка как раз на такую роль годится). Куда еще сыщиков-то? А ведь это команды из других королевств для участия в игрищах не прибыли!

— Пока не ясно, — меж тем отозвалась целительница.

— А разве нет кандидатов? — удивился хэрцег.

— Есть, — сглотнув, произнесла лекарь. — Целая очередь. Но без отборочного тура никого не утвердят.

— И когда же он? — допытывался отец рыженькой.

И по его тону стало понятно: нюхача таки ждать!

— Послезавтра, — ответила целительница и осеклась. За-молчала на миг и, видимо, вспомнив, что полночь миновала, поправилась: — Вернее, завтра. Но сейчас я бы посоветовала вам, хэрцег Тейват, подумать не об упущенных возможностях, а о том, что удалось вашей дочери сохранить — о ее жизни. Не корите ее. А если она спит — не будите.

— Хорошо. Мне только увидеть Марику, убедиться... — все же мужской голос дрогнул.

Целительница сделала вид, что не заметила, и поспешила толкнуть дверь и войти в палату, чтобы дать Тейвату несколько мгновений побыть отцом, а не только хэрцегом.

А едва он переступил порог следом за лекарем и створка за седым затворилась, как я бесшумно спрыгнула на пол и поспешила прочь.

Значит, будет отбор. Видимо, чтобы в новой кандидатуре участника турнира не было сомнений.

Оставив хламиду и корзину там же, где и взяла, я выскользнула на улицу. Туда, где ночь все так же пахла сиренью. Я свернула к кустам, где оставила Беглого.

Ветки были не потревожены. Трава не примята. На земле — никаких следов от сапог. Ничего этого не было. И никого. Ни одного дрыхнувшего тела! Ушел брюнетистый гад в лучших воровских традициях: не оставляя за собой никаких улик! Будто его и не было вовсе!

Ну силен, Беглый... Обычно паралич до утра держался даже у здоровенных громил, способных телегу на руках поднять. А этот уже скинул!

Что ж, учту, что на Кернира нужна двойная порция. Интересно, это у него организм такой, токсиноустойчивый, или его просто часто травили и тело привыкло? Впрочем, мне бы уже имеющиеся вопросы решить, а с этими новыми — как-нибудь потом. Да и надо ли оно мне вообще? Тут как бы кубок спереть по-тихому у целой уймы лишнего народу, что набилась в академию!

Но это потом. А пока — библиотека.

Щеколда на окне той щелкнула и поддалась моментом. Здесь служители были куда наивнее, чем комендантша общежития, и даже на первом этаже решеток не повесили. Или я первая, кто решил ограбить это вместилище знаний? Ибо, подозреваю, в учебное время некоторых адептов в книгохранилище нужно было заманивать посулами или загонять угрозами выставить незачет по предмету...

Я скользнула внутрь, перекатившись через подоконник, и нырнула в оглушающую тишину, за которой скрыто множество историй.

Не мешкая, двинулась меж стеллажей, подсвечивая себе маленьким огоньком, горевшем на оттопыренном среднем пальце. Не знаю почему, но именно на нем у меня светоч получался лучше всего.

Вокруг не было ни души... Так я считала. И ошиблась! Душа таки была! Да еще какая!

Призрачная и полупрозрачная, она возникла из темноты, будто соткалась из пыли и лунного света, пробивавшегося сквозь высокие окна. Сначала я уловила движение краем глаза: что-то белое, размытое, скользнувшее между стеллажами. Потом — холодок. Из тех, что пробирают до костей, при виде двери в склеп, которая открывается сама собой. И из нее выплывает призрак...

Была бы девицей впечатлительной — ударилась бы в визг, а потом в обморок. Боевиком — то ударила бы. Безо всяких «сь». Предупредительным смертельным арканом (дух же все равно мертвый уже! Что ему сделается?). Но я была опытной. Воровкой — так точно. А первое правило моего ремесла — это не поднимать шума.

Тихо возьми нужное, тихо оглуши нечаянного свидетеля, тихо прикопай его, если что... Хотя последнее — уже к гильдии убийц, а не воровской. И однозначно (неважно, к какой из этих двух братий принадлежишь) — тихо отпразднуй.

Ибо незачем оповещать законников о своей удаче.

Вот и сейчас я решила, что шороху и суеты навести еще успею. А пока стоит попробовать договориться. Интересно, какая у этого призрака сходная цена за то, что он унесет тайну нашей встречи в могилу, в которой уже и так пребывает?

Помнится, у кладбищенского духа, с которым я как-то раз торговалась, было всего-то желание напугать его живую тещу...

Я замерла, глядя на воинственно плывущего ко мне духа.

Это был старик. Высокий, сутулый, в длинной мантии, которая волочилась за ним, не касаясь пола. Лицо — белое, как пергамент, с глубокими морщинами, будто кто-то смял и разгладил его сотню раз. Борода — длинная, клинышком, седая. И белесые глаза, полыхавшие праведным гневом.

— Адептка, — голос призрака звучал, как скрип несмазанной двери, — вам известно, который сейчас удар колокола? Уже поздно! Библиотека закрыта!

— Учиться никогда не поздно! — бодро возразила я прописную истину полупрозрачному старику.

— Только, похоже, вас, юная госпожа, ничему вовсе в академии не научили!

— Почему же ничему? — напоказ удивилась в ответ. — Я, например, отлично усвоила, что из меня аховая адептка. И хочу эту ситуацию исправить. А с ней — и оценки!

— Для этого есть рабочие часы библиотеки. Они обозначены на таблице, висящей перед центральным входом, — ду-

шевно так (в смысле, вынимая души из живых тел), заунывно и скрипуче протянул призрак. — И я, как зритель, хочу...

— А я, как адептка, хочу взять монографию Милорада Краля! И даже ваша смерть и почтение к ней меня не остановят! — перебила полупрозрачного, поняв, что передо мной самый страшный тип призраков — зануда. Причем не из тех, которые на вопрос «как дела?» и вправду начинают оные описывать. Нет. Библиотекарь явно принадлежал к когорте милых душек, рядом с которыми форточку открыть тотчас охота.

— Ну это уже наглость! — надув щеки, протянул полупрозрачный.

— Наглость — это не выполнять свои служебные обязанности, — парировала я.

— Я как раз их и блюду! — выпалил призрак, возмущившись нахальству некоторых прохвосток.

— А как же оказывать полное содействие в учебном процессе всем адептам? — процитировала я строки из устава академии. Эх, все же не зря куратор мне эту брошюрку сунул, а я, в свою очередь, в оную — нос.

Призрак поперхнулся вдохом, хотя воздух для дыхания ему вовсе и не был потребен. А я же решила ковать железо, пока горячо, хватать добро, пока оно без призору, и добивать уже почившего старика напором:

— Мне очень нужна эта книга, господин библиотекарь!

Прямо позарез! Я ее завтрачка с утра верну. Никто не заметит даже, что она не здесь ночевала!

— А раньше не могла зайти? — сварливо протянул мертвый.

— А раньше я заселялась. Сегодня только перевелась из приграничья, — ничуть не смутилась такому вопросу. Наоборот, обрадовалась. Если дух от простого старческого брюзжания перешел к тому, чтобы чем-то поинтересоваться, это отличный шанс наладить диалог. — А конспект к завтрашнему дню нужно сдать по «Основам полевой артефактологии»... — Я полезла в сумку, чтобы свериться с листом, выданным куратором, и по нему зачитала: — Профессор Старвиш дал задание.

— Старвиш-ш-ш-ш? — прошипел дух в лучших традициях гремучего газа, выходящего из расщелины и готового рвануть в любой момент, окажись только искра рядом.

Похоже, у моего душики-библиотекаря и магистра старые счета... И я могу отлично привести их к нужному мне знаменателю. Что я и сделала, посетовав на несправедливость задания для переводной адептки.

Призрак же оценил мое рабочее... в смысле учебное рвение. Припомнил дотошного коллегу. Поразмыслил, что учеба в академии должна развивать в магиках все способности, в том числе и наглость... в смысле смелость. Как итог — дух помог найти не только нужную книгу, но и сверху еще накидал парочку... десятков других.

— Вернуть все к открытию библиотеки, иначе в нее я лично закрою вам, адептка, доступ навсегда! — пафосно провозгласил покойный господин Жейцкович — а именно так звали призрака. К слову, несмотря на свое занудство, он оказался стариком что надо. Не спросил, не потребовал. Просто констатировал факт. — Буду ждать.

С этими словами он начал растворяться в темноте, как утренний туман. Я осталась стоять с книгами в руках и смешанными чувствами в душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.